Удивительно романтично и трогательно.

Daily Mail

ДЖОДЖО МОЙЕС

От автора мирового бестселлера
«ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ»

Один плюс один

Джоджо Мойес

Один плюс один

«Азбука-Аттикус»

2014

Мойес Д.

Один плюс один / Д. Мойес — «Азбука-Аттикус», 2014

ISBN 978-5-389-08505-3

В жизни Джесс Томас наступила черная полоса. Она мать-одиночка и вкалывает на двух работах. У нее на руках двое детей. Сын-подросток, которого школьные хулиганы избивают за то, что он не похож на других. Десятилетняя дочка с потрясающими математическими способностями, которой обязательно нужно попасть на олимпиаду по математике. Кажется, все идет ко дну, и спасти семью может только рыцарь на белом коне…Эд Николс – преуспевающий компьютерщик, и именно его загородный дом время от времени убирает Джесс. Но и у этого внешне благополучного человека все пошло наперекосяк. Свое будущее Эд видит исключительно в мрачных тонах, однако он не понаслышке знает, что такое одиночество, а потому хочет помочь Джесс и ее детям. Так начинается необычный любовный роман, история о встрече двух одиночеств…Книги Джоджо Мойес переведены на многие языки мира, регулярно входят в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», а права на их экранизацию покупают ведущие киностудии Голливуда.Впервые на русском языке!

ISBN 978-5-389-08505-3

© Мойес Д., 2014

© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

1. Джесс 6
2. Танзи 15
3. Эд 22
4. Джесс 32
5. Никки 39
6. Джесс 40
7. Джесс 48
8. Эд 52
9. Танзи 60
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Джоджо Мойес
Один плюс один

Jojo Moyes
THE ONE PLUS ONE
Copyright © Jojo Moyes, 2014
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

© А. Киланова, перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014
Издательство Иностранка®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

1. Джесс

Джессика Томас вполне уловила иронию того, что потеряла лучшую работу в своей жизни из-за бриллианта. Не потому, что украла его, а потому, что не крала.

Джесс и Натали убирались в загородном доме мистера и миссис Риттер почти три года, с тех пор как загородный комплекс «Бичфрант» стал наполовину райским садом, наполовину строительной площадкой. Когда-то застройщики пообещали местным жителям доступ к плавательному бассейну и заверили, что крупная первоклассная застройка принесет немало выгод их крошечному приморскому городку, а не высосет из него последние капли жизни. Риттеры были обычными жильцами. Они приезжали из Лондона с детьми почти на каждые выходные. Миссис Риттер обычно оставалась на все выходные, а ее муж ночевал в Лондоне. Большую часть времени они проводили на ухоженной полоске пляжа и навещали городок, только чтобы залить дизель в свой семиместный автомобиль или пополнить запасы продуктов в торговом центре. Джесс и Натали убирались в их просторном, с четырьмя спальнями, доме, выкрашенном красками «Фэрроу энд Болл»[1], два раза в неделю, когда хозяева в нем жили, и раз в неделю, когда дом пустовал.

Был апрель, и, судя по пустым коробкам из-под сока и мокрым полотенцам, Риттеры жили в доме. Натали убиралась в смежной ванной комнате, а Джесс меняла постельное белье и подпевала радиоприемнику, который они носили с собой. Сдернув пуховое одеяло, она услышала звук, похожий на треск высокоскоростной пневматической винтовки. Там, где она жила, такие звуки раздавались нередко. Она была готова поклясться, что в «Бичфранте» пневматических винтовок нет.

Ее взгляд упал на сверкающую искру на полу. Она наклонилась у окна и подняла бриллиантовую сережку, зажав ее большим и указательным пальцем. Она поднесла сережку к свету и подошла к соседней двери, за которой Натали на коленях отскребала ванну. На спине Натали темнели полосы пота на месте лямок бюстгальтера. Утро выдалось долгим.

– Посмотри.

Натали поднялась и прищурилась:

– Что это?

– Бриллиант. Выпал из постельного белья.

– Он не может быть настоящим. Посмотри, какой большой.

Они глядели на сережку, пока Джесс крутила ее в пальцах.

– У Лизы Риттер не может быть поддельных бриллиантов. Не с их-то деньгами. Кажется, алмазы могут резать стекло? – Джесс задумчиво провела камнем по краю окна.

– Отличная мысль, Джесс. Продолжай в том же духе, пока стекло не вывалится. – Натали выпрямилась и сполоснула тряпку под краном. – Намного важнее, где вторая сережка.

Они вытряхнули постельное белье, заглянули под кровать, на четвереньках просеяли груду мусора на бежевом ковре, словно полицейские на месте убийства. Наконец Джесс посмотрела на часы. Они переглянулись и вздохнули.

Одна сережка. Главный ночной кошмар.

Вещи, которые они находили, убираясь в чужих домах:

– искусственная челюсть;

– сбежавшая морская свинка;

– давно потерянное обручальное кольцо (за это они получили коробку шоколадных конфет);

---

[1] *«Фэрроу энд Болл»* – английский производитель дорогих красок и обоев на основе старинных образцов. – *Здесь и далее прим. перев.*

– фотография Клиффа Ричарда[2] с автографом (никаких конфет; владелица уверяла, будто впервые ее видит);

– деньги. Не какую-нибудь мелочь, а целый бирюзовый бумажник, набитый пятидесятифунтовыми банкнотами. Он завалился за комод. Когда Джесс отдала его клиентке – миссис Линдер, снимавшей в «Бичфранте» дом номер четыре на три месяца летом, – та посмотрела на него с легким удивлением. «А я гадала, куда он запропастился», – сказала она и рассеянно сунула бумажник в карман, как будто заколку или пульт дистанционного управления.

Не считая морских свинок, не так уж это и весело – находить ценные вещи. Одна сережка или пачка разрозненных банкнот – и клиенты косятся со смутным подозрением: не прикарманил ли ты остальное? Мистер Риттер наверняка предположит, что они припрятали вторую сережку. Он заставлял их испытывать чувство вины уже за то, что они находились в его доме. В дни, когда снисходил заметить их присутствие.

– И что нам делать?

Натали скатывала пуховое одеяло, готовя его к стирке:

– Положи где-нибудь сбоку. Просто напишем записку, что не смогли найти вторую. Это чистая правда.

Обычно они, заканчивая уборку, оставляли записку-другую, в которых сообщали, что именно сделано. Или вежливо напоминали, что им должны деньги.

– Написать, что мы перетряхнули все белье?

– Как хочешь. Я просто не хочу, чтобы она подумала, будто мы ее взяли.

Джесс закончила писать и осторожно положила сережку на листок бумаги:

– Возможно, вторая уже у миссис Риттер. Она обрадуется, что мы ее нашли.

Натали состроила рожицу, которая означала, что Джесс способна разглядеть светлую сторону даже в ядерном апокалипсисе.

– Лично я не смогла бы не заметить в кровати бриллиант размером с глазное яблоко. – Она бросила грязное белье за дверью спальни. – Ладно. Пропылесось прихожую, а я сменю постели детей. Если поторопимся, будем у Гордонов в половине одиннадцатого.

Натали Бенсон и Джессика Томас убирались вместе каждый будний день в течение четырех лет. На боку их маленького белого фургона красовалось не слишком оригинальное название «Бенсон и Томас, услуги по уборке». Натали написала ниже по трафарету «Знаем о грязи все», но через два месяца Джесс обратила ее внимание, что половина звонков не имеет никакого отношения к уборке.

Сейчас они убирались почти исключительно в «Бичфранте». Мало у кого в городе была возможность – или желание – нанять уборщицу, не считая врачей, адвокатов и случайных клиентов вроде миссис Хамфри, которой мешал убираться артрит. Подобные старушки ценят чистоту наравне с благочестием, и прежде смыслом ее жизни были накрахмаленные занавески и надраенное до блеска парадное крыльцо. Иногда Джесс и Натали казалось, что она целых сорок семь часов молчит и копит силы ради часа в их обществе. По средам они убирались у миссис Хамфри после Риттеров и Гордонов из «Бичфранта» и, если повезет, в тех загородных домиках, которые не достались другим компаниям по уборке.

Джесс тащила пылесос через прихожую, когда открылась передняя дверь. Миссис Риттер крикнула снизу:

– Это вы, девочки?

Для таких, как миссис Риттер, все женщины – «девочки», даже пенсионерки. «Мы с девочками классно оторвались субботним вечером», – говорила она, лукаво закатив глаза. Или:

---

[2] *Клифф Ричард* (р. 1940) – британский исполнитель поп-музыки, английский король рок-н-ролла.

«И тогда я вышла в комнату для девочек…» И все же она им нравилась. Она никогда не унывала и не кичилась деньгами. И никогда не обращалась с ними как с уборщицами.

Натали и Джесс переглянулись. За долгое утро они уже отмыли две духовки (хватило же ума жарить свинину в выходные), а чай у миссис Хамфри неизменно одного цвета и консистенции с лаком для лестниц.

Через десять минут они сидели вокруг кухонного стола. Лиза Риттер пододвинула к ним тарелку с печеньем.

– Берите, берите. Ешьте, чтобы спасти меня от соблазна. – Она сжала несуществующий валик жира на талии.

Натали и Джесс вечно спорили, работает она или нет. Ей можно было дать от сорока до шестидесяти с хвостиком. Ее подкрашенные каштановые волосы были уложены мягкими волнами, она играла в теннис три раза в неделю, занималась пилатесом с частным инструктором, а знакомая Натали из местного салона уверяла, что раз в четыре недели ей делают восковую эпиляцию всего тела.

– Как твой Мартин, Джесс?

– Пока жив. Насколько я знаю, – ответила за нее Натали.

– Ах да. – Лиза Риттер кивнула, припоминая. – Ты говорила. Ищет себя, верно?

– Именно.

– Мог бы уже и найти. Времени было предостаточно. – Миссис Риттер сделала паузу и заговорщицки улыбнулась Джесс. – А малышка по-прежнему сидит, уткнувшись в учебники по математике?

– Сидит.

– У тебя такие замечательные дети! Иные здешние мамаши понятия не имеют, что творят их отпрыски от зари до темна. На днях Джейсон Фишер и его дружки кидались яйцами в окна Денниса Гровера!

По ее голосу было не понять, что ее больше потрясло – хулиганство или напрасная трата продуктов.

Лиза Риттер успела рассказать половину истории о своей маникюрше и маленькой собачке с недержанием мочи, постоянно прерываясь и сгибаясь пополам от смеха, когда Натали взяла телефон.

– Миссис Хамфри пыталась дозвониться, – сказала она, отодвигаясь от стола. – Нам пора.

Она соскользнула со стула и направилась в коридор, чтобы забрать ящик с принадлежностями для уборки.

– Что ж, дом выглядит неплохо. Спасибо вам обеим. – Миссис Риттер пригладила волосы, на мгновение задумавшись. – Да, Джесс, помоги мне, пожалуйста, пока не ушла.

Большинство клиентов знали, что у Джесс золотые руки. Не проходило и дня, чтобы ее не просили помочь зашпатлевать трещину или повесить картину, уверяя, будто дел всего на пару минут. Джесс никогда не отказывала.

– Но если работы много, я вернусь попозже, – предупредила она и молча добавила: «И попрошу денег».

– Совсем немного. – Лиза Риттер направилась к задней двери. – Надо только помочь с чемоданом. Я потянула спину в самолете, и кто-то должен занести чемодан в дом.

– В самолете?

– Я навещала сестру на Мальорке. Теперь, когда дети в университете, у меня много свободного времени, вот и решила устроить себе отпуск на пару дней. Оставила Саймона одного, благослови его Боже.

– И когда вы вернулись?

Она недоуменно смотрела на Джесс:

– Вы же видели меня! Только что!

До Джесс дошло только через пару секунд. Хорошо, что хозяйка уже вышла на улицу, потому что Джесс побелела как мел.

Вот в чем проблема с уборкой. С одной стороны, это хорошая работа, если не брезгуешь чужими пятнами и клубками волос в сливном отверстии ванны. Джесс не брезговала, как ни странно. Она даже не возмущалась, что большинство съемщиков загородных домов живут как в свинарнике, разбрасывая повсюду мусор – не то что дома, – поскольку знают, что придет уборщица. Зато можно работать на себя, в удобное время и даже выбирать клиентов, если дела идут хорошо.

Проблема, как ни странно, не в паршивых клиентах – хотя бы один паршивый клиент непременно найдется, – и не в грязи, и не в том, что, надраивая чужой унитаз, почему-то чувствуешь себя на ступеньку ниже, чем когда-то хотелось. Дело даже не в постоянной угрозе со стороны других компаний, не в брошюрах, которые подсовывают под дверь клиентам, обещая более низкую ставку за час. Дело в том, что в конце концов узнаешь о других людях больше, чем нужно.

Джесс могла бы рассказать о тайной страсти миссис Элдридж к покупкам: о счетах за дизайнерские туфли, которые она бросает в мусорное ведро в ванной комнате, о сумках с новехонькой одеждой с ярлыками в шкафу. Она могла бы рассказать, что Лена Томпсон четыре года пытается забеременеть и использует два теста в месяц (поговаривают, что она забывает снять колготки). Джесс могла бы рассказать, что мистер Митчелл из большого дома за церковью получает шестизначную сумму (он оставляет расчетные листы на столе в прихожей; Натали считает, что нарочно) и что его дочь тайком курит в ванной комнате и аккуратно складывает окурки на наружный подоконник.

При желании Джесс могла бы назвать имена женщин, которые выходят из дома опрятными, с идеально уложенными волосами, отполированными ногтями и капелькой дорогих духов, но запросто могут бросить грязные трусы на полу, на самом видном месте. Или мальчишек-подростков, к заскорузлым полотенцам которых можно прикасаться исключительно щипцами. Или супругов, которые спят на разных кроватях, или жен, которые просят поменять белье в гостевой комнате, жизнерадостно уверяя, что в последнее время у них «жуть как много гостей». А еще Джесс могла бы сказать, в чьи туалеты можно заходить только в противогазе, повесив табличку «ХИМОПАСНОСТЬ».

Однако время от времени попадаются приятные клиенты вроде Лизы Риттер, к которым забегаешь пропылесосить пол и возвращаешься домой, отягощенный знанием, без которого прекрасно мог обойтись.

Джесс наблюдала, как Натали выходит на улицу, держа ящик с принадлежностями для уборки под мышкой, и с ужасающей ясностью представляла, что будет дальше. Она видела кровать наверху, безупречно застеленную чистым бельем, полированные поверхности туалетного столика миссис Риттер, аккуратно взбитые подушки на маленьком диване в эркере. Она видела бриллиант, лежащий вместе с нацарапанной запиской на туалетном столике, маленькую сверкающую ручную гранату.

– Нат, можно тебя на два слова? – спросила Джесс, волоча чемодан мимо Натали.

Она попыталась поймать ее взгляд, но Натали увлеченно разглядывала туфли миссис Риттер.

– Туфли просто потрясающие! – выдохнула она.

– Правда? Я купила их в отпуске. С руками оторвала!

– Миссис Риттер летала в Испанию, Нат, – подчеркнула Джесс, остановившись рядом с ней. – В короткий отпуск!

Натали подняла взгляд и улыбнулась. Попробуем еще раз.

– Она вернулась сегодня утром.

– Чудесно, – просияла Натали.

Джесс ощутила, как внутри нарастает паника, словно неодолимый прилив.

– Отнесу-ка я его наверх, – сказала она, протиснувшись мимо миссис Риттер.

– О, это лишнее!

– Мне несложно.

Интересно, миссис Риттер заметила странное выражение ее лица? Можно подняться наверх. Ворваться в ванную, схватить сережку, сунуть в карман и затолкать Натали в машину, прежде чем подруга успеет проболтаться. И миссис Риттер ничего не узнает. А потом они решат, что делать с бриллиантом.

Джесс бросилась в заднюю дверь, но в глубине души уже знала, что случится.

– Кстати, Джесс вам сказала?

Она успела подняться до середины лестницы. В открытое окно донесся голос Натали, звонкий, как колокольчик.

– Мы нашли вашу сережку и подумали, может, вы знаете, где вторая.

– Сережку? – переспросила миссис Риттер.

– Бриллиантовую. Оправа, наверное, платиновая. Выпала из постельного белья. Вам повезло, что ее не засосало в пылесос.

Повисла короткая пауза.

Джесс закрыла глаза и замерла на лестнице в ожидании неизбежных слов.

– Откуда мне было знать, что у миссис Риттер не проколоты уши?

Они уныло сидели в своем фургоне. Натали курила. Она бросила шесть недель назад. В четвертый раз.

– Я не смотрю на чужие уши. А ты смотришь на чужие уши?

– Полагаю, вы ошиблись, – сказала Лиза Риттер. Ее голос напряженно дрожал, как будто она сжимала его в кулаке. – Похоже, это сережка моей дочери. Она забыла ее, когда в последний раз приезжала домой. У нее как раз есть такие.

– Ну конечно, – ответила Джесс. – Наверное, ее случайно подбросили в комнату. Или принесли на подошве. Мы так и думали.

И когда миссис Риттер отвернулась, стало ясно, что все кончено. Никто не любит гонцов, приносящих дурные вести.

Никому не нужны уборщицы, которые знают, насколько у них плохи дела.

– Восемьдесят фунтов в неделю, железно. И доплата за работу в выходные. – Натали внезапно завизжала. – Вот же свинство! Найти бы эту шлюху с сережкой и избить за то, что мы потеряли свою лучшую работу.

– Она могла не знать, что он женат.

– Все она знала. – До знакомства с Дином Натали два года встречалась с мужчиной, у которого оказалась не одна, а целых две семьи на другой стороне Саутгемптона. – Ни один холостяк не раскладывает на диване подушки в тон.

– А Нил Брюстер? – возразила Джесс.

– Музыкальная коллекция Нила Брюстера на две трети состоит из Джуди Гарленд и на треть – из «Пет шоп бойз».

В конце дороги пухлый карапуз аккуратно рухнул на землю, словно подрубленное дерево, мгновение помолчал и пронзительно завопил. Его мать держала на весу две охапки пакетов с покупками и смотрела на малыша в безмолвном замешательстве.

– Слушай, ты же помнишь, как она сказала на той неделе, что скорее избавится от своего парикмахера, чем от нас.

– Не от нас, а от уборщиц. Это другое дело. Ей плевать, кто у нее убирается – «Скорочисты», «Девушки со швабрами» или мы. – Натали покачала головой. – Впрочем, нет. Теперь мы уборщицы, которые знают правду о ее муже. Для таких, как она, это важно. Лишь бы никто ничего не заподозрил.

Мать поставила пакеты и наклонилась поднять карапуза. Через пару домов Терри Блэкстон вынырнул на шум из-под капота «форда», который уже восемнадцать месяцев не трогался с места.

Джесс закинула босые ноги на приборную панель и уткнулась лицом в ладони.

– Вот дерьмо! Нат, где мы теперь возьмем денег? Это была наша лучшая работа.

– Такой опрятный дом. Достаточно было пару раз в неделю навести лоск. – Натали глядела в окно.

– И она всегда платила вовремя.

– И отдавала нам ненужные вещи.

Перед глазами Джесс сверкала бриллиантовая сережка. Не надо было ее поднимать. Лучше бы они ее украли!

– Ладно, она нас уволит. Давай сменим тему. Мне нельзя плакать перед сменой в пабе.

– Как скажешь. Марти звонил на этой неделе?

– Я не имела в виду «сменим тему на *эту*».

– Так он звонил?

– Ага, – вздохнула Джесс.

– Он объяснил, почему не позвонил неделю назад? – Натали сбросила ноги Джесс с приборной панели.

– Нет. – Джесс физически ощущала ее взгляд. – И нет, он не прислал денег.

– Да неужели? Ты должна натравить на него Агентство по взысканию алиментов. Нельзя, чтобы так продолжалось и дальше. Он обязан присылать деньги собственным детям.

Это был старый спор.

– Он… он еще не встал на ноги, – ответила Джесс. – Я не могу давить на него. Он еще не устроился на работу.

– Что ж, деньги тебе сейчас понадобятся. Пока мы не найдем другую работу, не хуже, чем у Лизы Риттер. Как Никки?

– Ну, я заглянула в дом Джейсона Фишера, чтобы поговорить с его мамой.

– Серьезно? Я боюсь ее до смерти. Она пообещала, что велит оставить Никки в покое?

– Что-то вроде того. – (Натали смотрела на Джесс, открыв рот.) – Она сказала, что, если я еще раз заявлюсь к ней на порог, она размажет меня по стенке. Меня и моих… как же она выразилась?.. меня и моих «чокнутых детей». – Джесс опустила пассажирское зеркало, поправила волосы и стянула их в конский хвост. – Да, а потом она заявила, что ее Джейсон мухи не обидит.

– Как всегда.

– Ничего. Со мной был Норман. Он просто прелесть – навалил огромную кучу прямо рядом с их «тойотой», а я совсем забыла, что у меня в кармане полиэтиленовый пакет. – Джесс опять закинула ноги на приборную панель.

Натали снова сбросила их и протерла панель влажной салфеткой.

– И все-таки, Джесс, я серьезно. Как давно Марти уехал? Два года назад? Пора тебе вернуться в седло. Ты молода. Сколько можно ждать, пока он разберется в себе? – поморщилась она.

– Вернуться в седло. Мило.

– Ты нравишься Лайаму Стаббсу. Можешь на это рассчитывать.

– Любая сертифицированная пара Х-хромосом может рассчитывать на Лайама Стаббса. – Джесс закрыла окно. – Я лучше книжку почитаю. Кроме того, у детей хватает забот и без

знакомства с новыми папочками. – Она посмотрела на небо и сморщила нос. – Выпью чая, и пора собираться в паб. Я быстренько обзвоню клиентов перед уходом, может, кому-нибудь нужна внеплановая уборка. К тому же вдруг она нас не уволит.

Натали опустила окно и выдохнула длинную струйку дыма.

– Ну конечно, Дороти. И мы найдем себе новую работу – убираться в Изумрудном городе, в конце Дороги из желтого кирпича.

В доме номер четырнадцать на Сикоув-авеню грохотали отдаленные взрывы. Танзи недавно подсчитала, что с тех пор, как Никки исполнилось шестнадцать, восемьдесят восемь процентов свободного времени он проводит в своей комнате. Джесс прекрасно его понимала.

Она бросила свой ящик с принадлежностями для уборки в прихожей, повесила куртку, поднялась наверх, чувствуя привычное легкое смятение при виде протертого ковра, и толкнула дверь сына. На нем были наушники, он в кого-то стрелял; запах травки был настолько сильным, что у нее закружилась голова.

– Никки, – произнесла Джесс, и кто-то взорвался под градом пуль. – Никки! – Она подошла к нему и сдернула наушники, так что он обернулся с немного растерянным видом, как будто его вырвали из сна. – Трудишься не покладая рук?

– Надо же немного отвлечься.

Она взяла пепельницу и поднесла к его носу:

– Я тебя предупреждала.

– Это вчерашняя. Не мог заснуть.

– Не кури в доме, Никки.

Бессмысленно было просить его не курить вообще. Все в округе курили. Ей еще повезло, что он начал только в пятнадцать.

– Танзи вернулась? – Джесс наклонилась, подбирая с пола разбросанные носки и чашки.

– Нет. После обеда звонили из школы.

– Что?

Он что-то напечатал в компьютере и повернулся к ней:

– Не знаю. Что-то насчет школы.

И тогда она это увидела. Отвела в сторону прядь крашеных черных волос: на его скуле краснела свежая отметина. Он уклонился.

– С тобой все в порядке? – (Он пожал плечами и отвел глаза.) – Они снова к тебе приставали?

– Со мной все хорошо.

– Почему ты не позвонил?

– Денег на счету не было. – Никки откинулся назад и швырнул виртуальную гранату. Экран взорвался клубком пламени. – Номер телефона на столе. Если это насчет меня, то я был в школе в пятницу. Наверное, меня просто не заметили. – Он снова надел наушники и прилип к экрану.

Никки переехал к Джесс восемь лет назад. Он был сыном Марти от Деллы, женщины, с которой Марти недолго встречался в юности. Ребенок был молчаливым и настороженным, с длинными тонкими руками и ногами и волчьим аппетитом. Его мать связалась с очередной компанией и в конце концов умотала в центральные графства с неким Большим Элом, который не смотрел людям в глаза и вечно сжимал в огромном кулаке банку пива «Теннентс экстра», будто ручную гранату. Никки нашли спящим в школьной раздевалке, и когда социальные работники перезвонили, Джесс сказала, что он может переехать к ним.

– Только этого тебе не хватало, – сказала Натали. – Еще один голодный рот.

– Он мой пасынок.

– Ты видела его два раза за четыре года. А тебе нет и двадцати.

– Такие нынче семьи пошли. Не у всех 2,4 ребенка[3].

После она иногда задумывалась, не стало ли это последней каплей, заставившей Марти отказаться от ответственности за семью. Но Никки был хорошим мальчиком, несмотря на волосы цвета воронова крыла и подведенные глаза. Он был ласков с Танзи, а в хорошие дни болтал, смеялся и даже позволял Джесс время от времени неуклюже обнимать его. Она была рада, что он живет с ними, пусть иногда ей и казалось, что у нее стало на одну заботу больше.

Джесс вышла в сад с телефоном и глубоко вдохнула; ее желудок завязался узлом от беспокойства.

– Э-э-э… Алло? Это Джессика Томас. Мне передали, чтобы я позвонила. – Пауза. – Если это насчет Никки, то я проверила его расписание уроков. Он сказал, что ему разрешили повторять пройденное дома, и я думала, что это…

– Миссис Томас, я звонил насчет Танзи.

Приступ паники. Она опустила взгляд на номер, запоминая.

– Танзи? С ней… что-то случилось?

– Простите. Я должен был представиться. Я мистер Цвангараи, учитель Танзи по математике.

– А!

Она помнила его: высокий мужчина в сером костюме. Лицо как у владельца похоронного бюро.

– Я хотел поговорить с вами, поскольку несколько недель назад имел очень интересную беседу со своим бывшим коллегой, который работает в Сент-Эннз.

– Сент-Эннз? – Джесс нахмурилась. – Частной школе?

– Да. У них есть стипендиальная программа для детей, которые исключительно одарены в математике. И, как вам известно, Танзи уже попала в списки «талантливых и одаренных».

– Потому что она хороша в математике.

– Более чем хороша. В общем, мы дали ей письменную работу на прошлой неделе. Не знаю, упоминала ли она об этом? Я отправил вам письмо. Вы его получили?

Джесс, сощурившись, смотрела на небо. Чайки кружили и ныряли на сером фоне. Через несколько садов Терри Блэкстон подпевал радиоприемнику. Он любил изображать Рода Стюарта, когда думал, что никто его не видит.

– Мы получили результаты сегодня утром. Она прекрасно справилась. Просто превосходно. Миссис Томас, если вы согласны, они хотели бы пригласить ее на собеседование для поступления на дотируемое место.

– Дотируемое место? – Джесс обнаружила, что повторяет его слова.

– Для некоторых детей с исключительными способностями Сент-Эннз значительно снижает плату за обучение. Это значит, что Танзи получит превосходное образование. У нее исключительные математические способности, миссис Томас. Я уверен, это прекрасная возможность для нее.

– Сент-Эннз? Но… ей придется ездить на автобусе через весь город. Ей понадобится форма и так далее. Она… она никого не будет знать.

– Она заведет друзей. Но это уже детали, миссис Томас. Давайте подождем и узнаем, что решит школа. Танзи исключительно талантливая девочка. – Он сделал паузу. Когда она ничего не сказала, он понизил голос: – Я преподаю математику почти двадцать два года, миссис Томас. И ни разу не встречал ребенка, который схватывал бы математические концепции на лету, как она. Боюсь, мне уже нечему ее научить. Алгоритмы, вероятности, простые числа…

---

[3] *2,4 ребенка* – когда-то среднестатистическое количество детей в британской семье; стереотипная характеристика «нормальной» семьи.

– Хорошо. Дальше можете не рассказывать, мистер Цвангараи. С меня достаточно «талантливой и одаренной».

– Я буду на связи, – засмеялся он.

Она положила трубку и плюхнулась на белый пластмассовый садовый стул, который был в доме, когда они въехали, и с тех пор оброс тонкой пленкой изумрудного мха. Она смотрела в никуда, через окно на занавески, которые Марти всегда считал слишком яркими, на красный пластмассовый трехколесный велосипед, который у нее до сих пор не дошли руки выкинуть, на соседские окурки, разбросанные по ее дорожке, как конфетти, на гнилые доски изгороди, между которых ее собака любила просовывать голову. Несмотря на свой откровенно напрасный – по мнению Натали – оптимизм, Джесс ощутила, как ее глаза внезапно наполняются слезами.

Ужасно, когда уходит отец твоих детей. Проблемы с деньгами, подавленная злость за детей, большинство замужних подруг считает тебя потенциальной разлучницей. Но хуже этого, хуже бесконечной, постоянной, чертовски выматывающей, высасывающей деньги и силы борьбы – то, что быть единственным родителем, когда это не по плечу, значит быть самым одиноким человеком на земле.

2. Танзи

На парковке Сент-Эннз умещалось двадцать шесть машин. Два ряда по тринадцать больших блестящих полноприводных машин по обе стороны гравийной дорожки въезжали и выезжали с парковочных мест под средним углом в сорок один градус, чтобы уступить место следующему в очереди.

Танзи наблюдала за ними, когда они с мамой переходили дорогу от автобусной остановки. Водители говорили по телефонам в нарушение всяких правил или что-то беззвучно втолковывали пучеглазым белобрысым малышам на заднем сиденье. Мама высоко держала подбородок и теребила ключи в свободной руке, как будто это были ключи от ее автомобиля и они с Танзи просто припарковались неподалеку. Она все время оглядывалась. Наверное, боялась наткнуться на одного из своих клиентов, который спросит, что она здесь делает.

Она раньше не бывала в Сент-Эннз, хотя проезжала мимо на автобусе не меньше десяти раз по пути к бесплатному стоматологу. Снаружи было видно только бесконечную живую изгородь, подстриженную под углом ровно девяносто градусов, – интересно, садовник использовал транспортир? Большие деревья с дружелюбно нависшими над игровыми площадками ветвями словно приглашали детей укрыться под ними.

Дети в Сент-Эннз не лупили друг друга сумками по голове и не зажимали в углу игровой площадки, чтобы отнять деньги на обед. Учителя с усталыми голосами не загоняли подростков в классы. Девочки не начесывали волосы и не заворачивали юбки повыше. Никто не курил. Многие носили очки. Мать слегка сжала ее руку. Танзи хотелось, чтобы она перестала так нервничать.

– Здесь мило, правда, мама?

– Да, – пискнула она.

– Мистер Цвангараи сказал мне, что все шестиклассники из Сент-Эннз, кто сдавал математику, получили пятерку или пятерку с плюсом. Правда, здорово?

– Замечательно.

Танзи слегка потянула маму за руку, чтобы поскорее дойти до кабинета директора.

– Как ты думаешь, Норман будет скучать по мне, когда я буду сидеть допоздна?

– Допоздна?

– Уроки в Сент-Эннз заканчиваются в шесть. А во вторник и четверг работает математический кружок, в который я очень хочу записаться.

– Танзи, – произнесла Джесс и остановилась.

– Мама! Смотри!

Мимо них шла девочка и читала книгу. Честное слово, читала книгу! Никки говорит, что идти с книгой через площадку в Макартурз – это нарываться на неприятности. Книги надо прятать, как сигареты.

Дочь взглянула на мать. Мама выглядела ужасно усталой. В последнее время она всегда была усталой. Она растянула губы в улыбке, которая вовсе не была улыбкой, и они вошли в школу.

– Здравствуйте, миссис Томас. Здравствуй, Костанза. Приятно познакомиться. Садитесь.

Высокий белый потолок в кабинете директора школы был изящно украшен, словно свадебный торт. Маленькие белые розетки из гипса располагались через каждые двадцать сантиметров, а ровно посередине между ними торчали крошечные розовые бутоны. Комната была заставлена старинной мебелью, а за большим окном-фонарем мужчина ездил на катке взад и вперед по полю для игры в крикет. На маленьком столике кто-то оставил поднос с кофе и

домашним печеньем. Танзи только через несколько минут поняла, что кофе и печенье предназначены для них.

– Можно попробовать? – спросила она, и директор придвинул печенье к ней.

– Конечно.

– С закрытым ртом, – пробормотала мама.

Печенье было замечательным. Сразу видно, что домашнее. Мама пекла печенье, пока папа не уехал, и оно было точно таким же. Танзи сидела на краю дивана и смотрела на двух мужчин. Усатый улыбался, точно медсестра перед уколом. Мама поставила сумку на колени, и Танзи видела, что она прикрывает рукой пожеванный Норманом уголок. Она покачивала ногой.

– Это мистер Крюйкшенк. Он руководит математическим отделением. А я мистер Дейли. Директор школы в последние два года.

Мама пожала им руки и улыбнулась в ответ. Танзи тоже должна была пожать им руки, но в ее ушах звенело «руководит математическим отделением». Она оторвала взгляд от печенья:

– Вы изучаете хорды?

– Да.

– А вероятность?

– Тоже.

Мистер Крюйкшенк подался вперед:

– Мы посмотрели результаты твоего тестирования. И считаем, Костанза, что в следующем году тебе надо сдать экзамен по математике за весь курс средней школы и больше об этом не думать. Тебя наверняка заинтересуют занятия по продвинутому уровню.

Она посмотрела на него:

– У вас есть учебные задания?

– Есть несколько в соседнем кабинете. Хочешь посмотреть?

Ей не верилось, что он спрашивает. Мгновение ей хотелось ответить «А то!» в духе Никки. Но она лишь кивнула.

Мистер Дейли передал маме кофе.

– Не стану ходить вокруг да около, миссис Томас. Вам прекрасно известно, что у вашей дочери исключительные способности. До сих пор мы лишь однажды видели подобные баллы, и этот ученик впоследствии стал членом Тринити-колледжа.

Танзи кивнула, хотя была совершенно уверена, что не хочет становиться никаким членом. Всем известно, что девочки лучше разбираются в математике.

Директор продолжал разливаться соловьем. Она немного отключилась, пытаясь прикинуть, сколько печений можно съесть, и потому расслышала лишь: «Для очень ограниченной группы учеников, продемонстрировавших необычайные способности, мы создали новую стипендию с равным доступом». Бу-бу-бу. «Это дает возможность ребенку, который в противном случае не мог бы воспользоваться преимуществами подобной школы, шанс реализовать свой потенциал в…» Бу-бу. «Хотя всем нам очень интересно, сколь далеко Костанза продвинется в области математики, мы также хотим обеспечить гармоничное развитие всех остальных аспектов ее личности. У нас она пройдет полный курс обучения по физкультуре и музыке». Бу-бу-бу… «Дети с математическими способностями часто также одарены в языках… – бу-бу, – и актерской игре… Театр очень популярен среди девочек ее возраста».

– Я люблю только математику, – сообщила она. – И собак.

– Ну, насчет собак обещать не могу, но мы, несомненно, предоставим тебе неограниченные возможности развивать свои математические способности. Но мне кажется, ты еще удивишься, когда обнаружишь, что тебе нравится. Ты играешь на музыкальных инструментах?

Она покачала головой.

– Знаешь иностранные языки?

В комнате стало чуть тише.

– Интересуешься чем-нибудь еще?

– Мы ходим плавать по пятницам, – сказала мама.

– Мы не плавали с тех пор, как уехал папа.

Мама улыбнулась, но немного неуверенно:

– Мы плавали, Танзи.

– Один раз. Тринадцатого мая. Но теперь ты работаешь по пятницам.

Мамина улыбка стала совсем странной, как будто уголки губ ползли вниз.

Мистер Крюйкшенк вышел из комнаты и через мгновение вернулся со статьями. Танзи засунула в рот остаток печенья и пересела поближе. У него была целая пачка таких заданий. Заданий, которых она никогда раньше не видела!

Она начала листать их вместе с ним, показывая, что уже делала, а что нет. Голоса мамы и директора рокотали где-то вдалеке. «Мы прекрасно сознаем, какие ловушки, психологические и не только, могут ожидать детей, если поощрять их развитие лишь в одной области… бу-бу-бу… Если Костанза поступит к нам, мы будем высоко ценить ее математические способности, но пастырское попечение о ней…»

Похоже, все будет хорошо. Танзи позволила себе сосредоточиться на странице. Кажется, это теория восстановления.

– Да, – тихо произнес мистер Крюйкшенк, водя пальцем по странице. – Но любопытное свойство процессов восстановления заключается в том, что, если подождать некое заранее определенное время и затем определить размер интервала восстановления, содержащий его, как правило, он окажется больше, чем средний интервал восстановления.

Она это знала!

– И обезьянам понадобится больше времени, чтобы напечатать «Макбета»? – спросила она.

– Именно, – улыбнулся он. – Я сомневался, изучала ли ты теорию восстановления.

– Вообще-то, я ее не изучала. Но мистер Цвангараи однажды рассказал мне о ней, и я поискала в Интернете. Мне понравилось сравнение с обезьянами.

Танзи листала задания. Их было множество. Числа пели ей. Ее мозг зудел от желания прочесть сразу все задания. Она знала, что должна ходить в эту школу.

– Мама, – сказала она. Обычно она не перебивала, но была слишком взвинчена и забыла о хороших манерах. – Как ты думаешь, можно нам взять несколько заданий?

Мистер Дейли взглянул на нее. Похоже, его не волновали хорошие манеры.

– Мистер Крюйкшенк, у нас есть копии?

– Можешь взять эти.

Он отдал их ей! Просто отдал! Танзи начала листать бумаги. Снаружи прозвенел звонок, и дети захрустели гравием под окнами кабинета. Она подняла голову, чтобы посмотреть на них. Ей было интересно, читает еще кто-нибудь книги или нет.

– И… что дальше?

– Ну, мы бы хотели предложить Костанзе… Танзи… стипендию. – Мистер Дейли поднял со стола глянцевую папку. – Здесь вы найдете наши брошюры и сопутствующие документы. Стипендия покрывает девяносто процентов платы за обучение. Это самая щедрая стипендия, какую когда-либо предлагала наша школа. Обычно наш предел – пятьдесят процентов, учитывая длинный список ожидания. Новая стипендия предназначена для выявления детей с неординарными способностями.

– Таких, как я, – заметила Танзи.

– Таких, как ты.

Он протянул ей тарелку. Каким-то образом печенье на тарелке заменили на новое. Это и правда лучшая школа на свете.

– Девяносто процентов, – повторила мама и положила свое печенье обратно на тарелку.

– Конечно, на ваши плечи все равно ляжет существенное финансовое бремя. Плюс расходы на форму и проезд, а также на дополнительные занятия, которые могут понадобиться вашей дочери, например на музыку или школьные экскурсии. Но я хотел бы подчеркнуть, что это уникальная возможность. – Директор наклонился вперед. – Танзи, мы будем очень рады, если ты к нам поступишь. Твой учитель по математике говорит, что работать с тобой – одно удовольствие.

– Мне нравится учиться. – Она потянулась за очередным печеньем. – Я знаю, что многие мои друзья считают учебу скучной. Но мне больше нравится в школе, чем дома.

Все неловко засмеялись.

– Не из-за тебя, мама, – уточнила она и взяла еще одно печенье. – Но моей маме приходится много работать.

Все притихли.

– Как и всем в наши дни, – произнес мистер Крюйкшенк.

– Что ж. Вам предстоит о многом подумать. И у вас наверняка еще остались вопросы. Быть может, вы допьете кофе, пока мы беседуем, а затем я позову кого-нибудь из учеников, чтобы показать вам школу? Тогда вы сможете обсудить это между собой.

Вечером мама поднялась в комнату Никки и велела настроить «Скайп». Каждое воскресенье она писала папе эсэмэску за полчаса до разговора с Танзи, и он настраивал свой компьютер у бабушки. Танзи сидела за столом Никки и старалась не отвлекаться на свое маленькое изображение в углу экрана. Голова на нем была ужасно странной формы.

Но сегодня было не воскресенье.

Она кидала Норману мячик в саду. Она была уверена, что однажды он поймает его и принесет обратно. Танзи где-то прочитала, что повторение увеличивает вероятность того, что животное чему-либо научится, в четыре раза. Впрочем, вряд ли Норман умеет считать.

Они взяли Нормана в собачьем приюте, когда папа впервые уехал и мама не спала одиннадцать ночей подряд, потому что боялась, что их зарежут в собственных постелях, когда узнают, что в доме нет мужчины. В собачьем приюте заверили, что он замечательный сторожевой пес и чудно ладит с детьми. «Но он такой большой», – приговаривала мама.

– Тем лучше он отпугнет грабителей, – жизнерадостно улыбались работники приюта. – Кстати, мы уже сказали, что он чудно ладит с детьми?

Через два года мама заявила, что Норман просто огромная машина, которая только ест и гадит. Он шлепал по дому, линял и вонял. Пускал слюни на подушки и выл во сне, загребая воздух огромными лапами, словно плавал. Мама сказала, что в собачьем приюте не соврали: никто не вломится к ним в дом из опасения до смерти задохнуться от зловония Нормана.

Она оставила попытки изгнать его из комнаты Танзи. Когда Танзи просыпалась по утрам, он всегда занимал три четверти ее кровати, раскинув мохнатые лапы по матрасу и предоставив ей дрожать под крошечным уголком одеяла. Мама вечно ворчала насчет шерсти и гигиены, но Танзи было все равно. У них с Норманом была особая связь. Она знала, что однажды пес это покажет.

Никки появился у них в доме, когда ей было два года. Однажды вечером Танзи легла спать, а наутро он уже жил в гостевой комнате, и мама сказала, что он ее брат и будет жить с ними. Она не знала, есть ли между ними особая связь, хотя они и родственники на пятьдесят процентов. Танзи однажды спросила его, какой у них общий генетический материал, и он ответил: «Ген чокнутого неудачника». Она подозревала, что он шутит, но знала о генетике слишком мало, чтобы проверить.

Танзи мыла руки в раковине на улице, когда услышала разговор. Окно Никки было открыто, и голоса долетали до сада.

– Ты оплатила счет за воду? – спросил Никки.

– Нет. Не успела забежать на почту.

– На нем было написано, что это последнее напоминание.

– Я знаю, что это последнее напоминание.

Мама говорила резко, как всегда, когда речь заходила о деньгах. Повисла пауза. Норман подобрал мячик и положил у ног Танзи. Обслюнявленный, гадкий мячик.

– Прости, Никки. Мне… просто нужно разобраться с этим разговором. Я заплачу за воду завтра. Обещаю. Хочешь поговорить со своим папой?

Танзи заранее знала ответ. Никки больше не хочет разговаривать с папой.

– Привет.

Она подошла к самому окну и замерла. Ей был слышен папин голос.

– Все в порядке? – напряженно спросил папа.

Возможно, он решил, что случилось что-то плохое. Возможно, он вернется домой, если подумает, что у Танзи лейкемия. Она смотрела по телевизору фильм, в котором родители девочки развелись, а потом снова сошлись, потому что у нее была лейкемия. Но на самом деле Танзи не хотелось заболеть лейкемией, потому что ей становится дурно от вида иголок и у нее довольно красивые волосы.

– Все хорошо, – ответила мама. Она не говорила папе, что Никки изводят.

– Что происходит?

Пауза.

– Это твоя мама поклеила? – спросила мама.

– Что?

– Новые обои.

– А! Обои.

В бабушкином доме новые обои? Танзи стало не по себе. Папа и бабушка живут в доме, который она может не узнать. Прошло 348 дней с тех пор, как она в последний раз видела папу. И 433 дня с тех пор, как видела бабушку.

– Мне нужно поговорить с тобой об учебе Танзи.

– А что, она плохо себя ведет?

– Ничего подобного, Марти. Ей предложили стипендию в Сент-Эннз.

– Сент-Эннз?

– Учителя считают, что у нее исключительные способности к математике.

– Сент-Эннз, – недоверчиво протянул он. – В смысле, я знал, что она умненькая девочка, но…

Он явно был доволен. Танзи прижалась спиной к стене и поднялась на цыпочки, чтобы лучше слышать. Возможно, папа вернется домой, если она поступит в Сент-Эннз?

– Наша малышка в аристократической школе! – Он раздулся от гордости. Танзи так и видела, как он прикидывает, что сказать приятелям в пабе. Правда, он не ходит в паб. Ведь он вечно твердит маме, что у него нет денег на развлечения. – И в чем проблема?

– Ну… это большая стипендия. Но она покрывает не все.

– И что это значит?

– Это значит, что нам все равно придется платить пятьсот фунтов за семестр. И еще за форму. И регистрационный взнос пятьсот фунтов.

Молчание было таким долгим, что Танзи решила, что компьютер завис.

– Они сказали, что после первого года можно будет подать заявку на пособие. Какую-то дотацию, дополнительные деньги, которые выдают по заслугам. Но сейчас надо найти почти две штуки, чтобы она проучилась в течение года.

И тогда папа засмеялся. Честное слово, засмеялся.

– Ты, наверное, шутишь?

– Я не шучу.

– Где я, по-твоему, возьму две штуки, Джесс?

– Я просто подумала, что…

– У меня даже нет еще приличной работы. Здесь настоящее болото. Я… еще не встал толком на ноги. Прости, детка, но это невозможно.

– А твоя мама не может помочь? У нее должны быть сбережения. Можно я с ней поговорю?

– Нет. Она… вышла. И я не хочу, чтобы ты клянчила у нее деньги. У нее и так хватает забот.

– Я не клянчу деньги, Марти. Я подумала, может, она захочет помочь своим единственным внукам.

– Они больше не единственные ее внуки. У Елены родился мальчик.

Танзи затаила дыхание.

– Я даже не знала, что она беременна.

– Ну, я собирался тебе сказать.

У Танзи есть маленький двоюродный брат. А она даже не знала. Норман плюхнулся у ее ног. Он посмотрел на нее большими карими глазами и медленно, со стоном перевернулся, как будто лежать на земле было неимоверно тяжелым делом. Он не сводил с нее глаз, ожидая, что Танзи почешет ему живот, но она слишком старательно прислушивалась.

– Ну… может, продадим «роллс»?

– Я не могу продать «роллс». Я собираюсь снова начать свадебный бизнес.

– Он ржавеет в нашем гараже уже почти два года.

– Знаю. Я приеду и заберу его. Просто мне некуда было его поставить.

Голоса родителей стали резкими. Их разговоры часто заканчивались подобным образом. Поначалу мама старалась быть милой, но потом что-то случалось, и оба начинали говорить рублеными фразами и огрызаться друг на друга. Танзи услышала, как мама глубоко вдохнула:

– Может, ты хотя бы подумаешь? Она очень хочет попасть в эту школу. Всем сердцем. Когда учитель математики заговорил с ней, она просияла. Я не видела ее такой с тех пор…

– С тех пор, как я уехал.

– Я этого не говорила.

– Выходит, это я во всем виноват.

– Нет, это не ты во всем виноват. Но я не стану притворяться, что твой отъезд им безразличен. Танзи не понимает, почему ты не навещаешь ее. Она не понимает, почему больше не видит тебя.

– Дорога мне не по карману, Джесс. И ты это знаешь. Сколько можно меня упрекать? Я болен.

– Я знаю, что ты болен.

– Она может в любое время приехать и повидать меня. Я же тебе говорил. Пусть дети приедут на коротких каникулах.

– Это невозможно. Они слишком маленькие, чтобы ехать в такую даль в одиночку. А ехать с ними мне не по карману.

– Полагаю, это тоже моя вина.

– Бога ради, прекрати.

Танзи вонзила ногти в ладони. Норман смотрел на нее и ждал.

– Марти, я не хочу с тобой ссориться. – Мама говорила низким размеренным голосом, словно учительница, объясняющая прописные истины. – Я просто хочу, чтобы ты поискал хоть немного денег. Это изменит жизнь Танзи. Ей не придется бороться, как… нам.

– Черта с два!

– В смысле?

– Ты что, не смотришь новости? Выпускники университетов сидят без работы. Неважно, какое у тебя образование. Ей все равно придется бороться. Все равно придется барахтаться. – Он помолчал. – Нет. Нет смысла влезать в долги еще больше из-за такой ерунды. Конечно, в этих школах говорят, что они совершенно особенные, и она особенная, и ее жизненные перспективы будут потрясающими, если она поступит, и так далее, и так далее. Все они так говорят. – (Мама ничего не сказала.) – Нет, если она и правда такая умница, как они говорят, то проложит себе дорогу сама. Пусть ходит в Макартурз, как все.

– Как маленькие ублюдки, которые только и думают, как половчее избить Никки? И как наштукатуренные девицы, которые прогуливают физкультуру, чтобы не сломать ноготь? Она не впишется в Макартурз. Просто не впишется.

– Теперь ты говоришь, как сноб.

– Нет, я говорю, как человек, который признает, что его дочь немного не такая, как все. И ей нужна школа, которая это приветствует.

– Джесс, я ничем не могу помочь. Прости. – Он говорил рассеянно, будто к чему-то прислушивался. – Вот что. Мне пора. А в воскресенье поговорю с Танзи по «Скайпу».

Повисло долгое молчание.

Танзи досчитала до четырнадцати.

Она услышала, как открылась дверь и Никки произнес:

– Отлично поговорили.

Танзи наклонилась и наконец почесала пузо Нормана. Она закрыла глаза, чтобы не видеть слезу, которая упала на пса.

– Мы покупали лотерейные билеты в последнее время?

– Нет.

На этот раз молчание продлилось девять секунд. Затем голос мамы разнесся эхом в неподвижном воздухе:

– Тогда, возможно, стоит попробовать.

3. Эд

Эд и Ронан пили кофе в комнате креативщиков, когда вошел Сидней. С ним был смутно знакомый мужчина – еще один Костюм. В своих мрачных серых костюмах, с похоронными выражениями лиц они напоминали пару Свидетелей Иеговы.

– Мы вас искали.

– Что ж, вы нас нашли.

– Не Ронана, а вас.

Минуту Эд разглядывал их, выжидая, затем бросил в потолок красный пенопластовый шарик и поймал. Он покосился на Ронана. «Инвестакорп» купила половину их акций добрых восемнадцать месяцев назад, но они все равно мысленно называли ее сотрудников Костюмами. И это было еще ласковое прозвище.

– Вы знакомы с женщиной по имени Дина Льюис?

– А что?

– Вы сообщали ей какие-либо сведения о запуске нового программного обеспечения?

– Что?

– Это простой вопрос.

Эд переводил взгляд с одного на другого. Атмосфера была странно напряженной. Его желудок, словно перегруженный лифт, медленно поехал к ногам.

– Возможно, мы болтали о работе. Ничего определенного, насколько я помню.

– Дина Льюис? – произнес Ронан.

– Нам нужен точный ответ, Эд. Вы сообщали ей какие-либо сведения о запуске SFAX?

– Нет. Может быть. А что случилось?

– Полицейские обыскивают ваш кабинет, с ними два громилы из Управления по финансовым услугам. Брата Дины Льюис арестовали за торговлю на бирже с использованием конфиденциальной информации. Информации о запуске программного обеспечения, которую сообщили вы.

– Ха-ха-ха! Смешно.

– Дина Льюис? Наша Дина Льюис? – Ронан начал протирать очки салфеткой, как всегда, когда беспокоился.

– Ваша Дина Льюис?

– Мы были знакомы в колледже.

– Любопытно. Итак, хеджевый фонд ее брата заработал две целых шесть десятых миллиона долларов в первый день торговли. На ее личный счет перечислено сто девяносто тысяч.

Они не шутили.

– Хеджевый фонд ее брата?

– Да, его хеджевый фонд.

– Я не понимаю, – сказал Ронан. – Что происходит?

– Я вам объясню. Дина Льюис официально заявила, будто передала своему брату слова Эда о запуске SFAX. Якобы Эд сказал ей, что это будет нечто потрясающее. И знаете что? Через два дня фонд ее брата вошел в число крупнейших покупателей акций. Что именно вы ей сказали?

Ронан глядел на него. Эд пытался собраться с мыслями. Он шумно сглотнул. Разработчики выглядывали из кабинок на другой стороне офиса.

– Я ничего ей не говорил. – Он моргал. – Я не знаю. Может, что-то и сказал. Это же не государственная тайна.

– Это была чертова государственная тайна, Эд. Это называется «инсайдерская торговля». Дина Льюис заявила, что вы назвали ей дату и время. Она сказала брату, что компания разбогатеет.

– Она лжет! Болтает невесть что. Мы… между нами кое-что было.

– Вы хотели переспать с девчонкой и болтали невесть что, чтобы произвести на нее впечатление?

– Вовсе нет.

– Ты переспал с Диной Льюис? – Эд чувствовал, как Ронан буравит его близорукими глазами.

Сидней поднял руки, поворачиваясь к мужчине за спиной:

– Вам надо позвонить своему адвокату.

– Но как у меня могут быть неприятности? Я же не получил от этого никакой выгоды.

– Хеджевый фонд Майкла Льюиса стал крупнейшим одиночным инвестором в «Мэйфлай» за неделю до запуска SFAX.

– Я даже не знал, что у ее брата есть хеджевый фонд.

Сидней посмотрел ему за спину. Любопытные внезапно заинтересовались чем-то у себя на столах. Он понизил голос:

– Вам надо идти. Вас хотят допросить в полицейском участке.

– Что? Это нелепо. У меня совещание через двадцать минут. Я не поеду ни в какой полицейский участок.

– И разумеется, вы отстранены до тех пор, пока мы не разберемся с этим делом.

Эд едва не рассмеялся ему в лицо:

– Вы шутите? Вы не можете меня отстранить. Это моя компания. – Он бросил пенопластовый мячик в воздух и поймал его, наполовину отвернувшись от них. Никто не пошевелился. – Я не поеду. Это наша компания. Скажи им, Ронан.

Он посмотрел на Ронана, но Ронан отвернулся. Он посмотрел на Сиднея, но тот лишь покачал головой. Затем он посмотрел на двоих мужчин в форме, возникших у него за спиной, на секретаршу, которая поднесла ладонь ко рту, на ковровую дорожку, которая уже протянулась к двери офиса, и пенопластовый мячик бесшумно упал на пол между его ног.

Дина Льюис. Возможно, и не писаная красавица, но определенно первая в списке Эда и Ронана «Девчонки из кампуса, которых можно отжарить на трезвую голову». Как будто она смотрела в их сторону. Наверное, когда она шла по компьютерному центру, они таращились на нее, словно бассет на гамбургер.

Она не обращала на него внимания все три года, за исключением того случая, когда попросила подбросить от станции до общежития в сильный дождь. Пока она сидела на пассажирском сиденье, он не мог связать двух слов и лишь в конце пути невнятно пробормотал: «Обращайся, подруга». Два слова охватили три октавы. Дина Льюис окинула его взглядом, говорившим, что он смотрит слишком много австралийских сериалов, наклонилась, отлепила пустой пакетик из-под чипсов от подошвы сапог и тактично бросила обратно на пол машины.

Если у Эда вышло плохо, у Ронана вышло еще хуже. Любовь давила на него, словно карикатурная гиря, он черпал надежду в признаках, неуловимых, словно пылинки в луче света. Он писал ей стихи, посылал анонимные букеты в День святого Валентина, с надеждой улыбался в очереди в столовой и старался не подавать виду, что расстроен, когда она его не замечала. В конце концов он стал относиться к этому философски. Понадобилось всего три года. Они с Эдом оба понимали, что такая красотка, которая стоит так высоко в неофициальной иерархии кампуса, не станет тратить время ни на одного из них. А когда они закончили учебу, основали свою компанию и стали думать не о женщинах, а о программном обеспечении – со временем им и вправду стало нравиться думать о программном обеспечении, – Дина Льюис оказалась в том

странном уголке воспоминаний, куда заглядываешь под хмельком с целью доказать коллегам, что в университете общался с людьми, а не сидел все три года, уткнувшись в экран. «О… Дина Льюис», – говорили они друг другу, рассеянно глядя поверх голов собутыльников, как будто она плыла над ними в замедленной съемке. Или порой говорили о другой девушке у бара: «Ничего. Но до Льюис ей далеко».

А потом, три месяца назад, через полгода после того, как Лара ушла, прихватив квартиру в Риме, половину его портфеля акций и остатки желания заводить отношения, Дина Льюис связалась с ним через «Фейсбук». Она на пару лет перебралась в Нью-Йорк, но собиралась вернуться и отыскать старых университетских друзей. Он помнит Рину? А Сэма? Как насчет вместе выпить?

Впоследствии ему было стыдно, что он не сказал Ронану. Он убедил себя, что Ронан занят очередным обновлением программного обеспечения. Ему понадобилась целая вечность, чтобы вычистить Дину из своей системы. Он только-только начал встречаться с девушкой из благотворительной столовой. Зачем ворошить прошлое? По правде говоря, Эд накрепко увяз в послеразводном болоте. Он сто лет не ходил на свидания. И в глубине души ему хотелось, чтобы Дина Льюис увидела, каким он стал после продажи компании год назад. Оказывается, за деньги можно купить специалистов по одежде, коже и волосам. Можно купить персонального тренера. Эд Николс больше не выглядел как косноязычный ботаник в «мини». Он не носил дорогих костюмов или часов, но знал, что в тридцать три года от него так и веет богатством. Они встретились в баре в Сохо. Она извинилась: Рина – помнишь Рину? – продинамила их в последний момент. У нее ребенок, видите ли. Дина насмешливо подняла бровь. Много позже он сообразил, что Сэм тоже не явился. О Ронане Дина не спрашивала.

Он не мог отвести от нее глаз. Она выглядела совсем как раньше, только лучше. Ее искусно подстриженные темные волосы пружинили, как в рекламе шампуня, и с ее скул сошел последний юношеский жирок. Она была прекраснее, чем он помнил, более человечной. Возможно, даже золотые девочки становятся чуть ближе к земле, покинув стены университета. Она смеялась над всеми его шутками. Время от времени он искоса посматривал, как она хлопает ресницами. Он заметил, как она мимолетно удивилась тому, что помнит его совсем другим человеком. Бальзам на душу. Они расстались через пару часов, и он был поражен, когда она перезвонила через два дня и предложила встретиться. На этот раз они пошли в клуб, и он танцевал с ней, и когда она подняла руки над головой, ему пришлось сильно постараться, чтобы не представлять ее распростертой на кровати. За третьим или четвертым бокалом она сообщила, что только что рассталась с парнем. И очень переживает. Вряд ли она готова к чему-то серьезному. Он поддакивал в нужных местах. Рассказал ей о Ларе, своей бывшей жене, которая заявила, что работа всегда будет ее первой любовью и она должна уйти от него, чтобы не сойти с ума.

– Немного мелодраматично, – заметила Дина.

– Она итальянка. И актриса. С ней все мелодраматично.

– Было мелодраматично, – поправила Дина, глядя ему в глаза.

Она спросила его о работе и наивно восхитилась, что он создал компанию.

– По правде говоря, я ни черта не смыслю в технике, – призналась она. – Но это звучит потрясающе.

У нее появился легкий американский акцент. Она коснулась Эда ногой.

Он попытался объяснить. Она следила за движениями его губ, и это странно отвлекало. Он рассказал ей обо всем: о первых пробных версиях, которые они с Ронаном писали в его комнате, о глюках в программном обеспечении, о встречах с медиамагнатом, который отвез их в Техас на своем личном самолете и обругал, когда они отказались принять его предложение о поглощении.

Он рассказал о дне, когда их компания акционировалась. Рассказал, как сидел на бортике ванны, следил с телефона за ростом курса акций и дрожал, понимая, как сильно изменится его жизнь.

– Ты настолько богат?

– Да, дела идут неплохо.

– Насколько неплохо?

Он сознавал, что говорит как самодовольный болван. Почти.

– Ну… конечно, до развода дела шли получше… Но и сейчас идут неплохо. Знаешь, деньги меня не особенно интересуют. – Он пожал плечами. – Мне просто нравится делать то, что я делаю. Нравится наша компания. Нравится, когда в голову приходят идеи и я воплощаю их в программы, которые по-настоящему нужны людям.

– Но ты продал компанию?

– Она слишком разрослась, и мне сказали, что, если продать компанию, парни в костюмах возьмут на себя финансовую сторону дела. Я никогда этим не интересовался. Мне достаточно иметь пакет акций. – Он взглянул на нее. – У тебя очень красивые волосы. – Он понятия не имел, почему это сказал.

Она поцеловала его в такси. Дина Льюис медленно развернула его лицом к себе тонкой ручкой с идеальным маникюром и поцеловала его. Хотя прошло больше двенадцати лет после выпуска – двенадцати лет, за которые Эд Николс успел жениться и развестись с моделью/актрисой/и так далее, – голосок в его голове настойчиво твердил: «Дина Льюис целует меня». И она не просто его целовала: она задрала юбку и провела по нему длинной стройной ногой, явно не обращая внимания на таксиста, прижалась к нему и целовала его лицо и шею, просунула руки под рубашку и ласкала, пока он не разучился говорить и думать. Когда машина остановилась у его дома, он с трудом ворочал языком и не только не стал ждать сдачу, но даже не посмотрел, какие банкноты сунул водителю.

И секс был потрясающим. О боже, это было великолепно. Она двигалась, как порноактриса, благослови ее Боже. С Ларой в последние месяцы казалось, что она оказывает ему милость в зависимости от некоего набора правил, которые, похоже, знала только она: уделял ли он ей достаточно внимания, проводил ли с ней достаточно времени, ужинал ли с ней в ресторане, понимал ли, как жестоко оскорбил ее чувства. Иногда она молча отворачивалась от него после секса, как будто он сделал что-то ужасное.

Когда Дина Льюис увидела его обнаженным, в ее глазах вспыхнул голод. О боже! Господи Иисусе! *Дина Льюис*.

После секса она закурила в постели и произнесла:

– Я больше почти не курю, но после такого… – и хрипло хохотнула.

– Я и сам не прочь закурить.

Докурив, она так хорошо ему отсосала, что соседи снизу тоже, наверное, были не прочь закурить.

Она осталась у Эда на ночь и ушла домой неохотно. По будням она жила у своего брата в Фулеме, а по выходным – у родителей в Бристоле. Первую неделю она писала электронные письма каждый день и три раза ему позвонила. Он ничего не сказал Ронану. Он писал ей сообщения, лежа в кровати, его ноутбук казался мерцающим океаном посреди широкого пухового одеяла. Он старался не думать о ней. Они просто развлекаются, говорил он себе. Ничего серьезного. Вряд ли Ронан с ней столкнется.

Кроме того, они с Диной оба только что пережили тяжелые расставания. Они обсуждали, как цинично относятся к отношениям, как приятно побыть одному. А потом однажды ночью он выпил. Ему взгрустнулось. Он с полминуты поразмыслил и напечатал:

Давай встретимся в выходные.

Я не могу, – ответила она.

Почему?

Я на мели.

Эд вспомнил, как ее длинные темные волосы переплетались с его пальцами. Вспомнил, как прекрасно было ненадолго забыть о Ларе. И написал:

Я заплачу. Приезжай.

Она приехала вечером в пятницу. Они обошли местные бары, прогулялись вдоль реки, пообедали в пабе. Она взяла его под руку, и он обнаружил, что смотрит на ее пальцы и безмолвно восклицает: «Дина Льюис! Я сплю с Диной Льюис!» Она была забавной и бойкой. При виде ее улыбки губы невольно расплывались в ответной. И так приятно было заниматься сексом без угрызений совести и опасений, что во сне стибрят бумажник. Вечером в воскресенье они отлично поужинали, выпили море шампанского и вернулись в его квартиру, где Дина надела потрясающие черные шелковые трусики с ленточками по бокам, которые достаточно развязать, чтобы ткань медленно соскользнула по бедрам, словно рябь на воде. После секса Дина свернула косячок, и он не затягивался, но голова все равно приятно кружилась. Он запустил пальцы в ее темные шелковистые волосы и почувствовал, что жизнь и вправду прекрасна.

А потом она сказала:

– Я рассказала родителям о нас.

Он не сразу смог сосредоточиться.

– Родителям?

– Ты же не против? Просто так приятно…. почувствовать, что… я больше не одинока, понимаешь?

Эд уставился в потолок. Все нормально, сказал он себе. Многие люди рассказывают родителям обо всем. Даже через две недели.

– У меня была жуткая депрессия. А теперь я так… – широко улыбнулась она, – счастлива. Просто безумно счастлива. Как будто просыпаюсь с мыслью о тебе. Как будто все будет хорошо.

У него странно пересохло во рту. Вряд ли от косячка.

– Депрессия? – переспросил он.

– Теперь все в порядке. Знаешь, мои предки просто молодцы. После прошлого раза они отвели меня к врачу, и он прописал мне таблетки. И они отлично помогают. Снимают все запреты, но никто пока не жаловался! ХА-ХА-ХА-ХА! – (Он протянул ей косячок.) – Понимаешь, я все ярко переживаю. Мой психотерапевт говорит, что я очень чувствительная. Некоторые люди идут по жизни легко. Я не из таких. Иногда я читаю об умирающем животном или убитом где-то за границей ребенке и буквально плачу весь день. Буквально. Я и в колледже такая была. Помнишь?

– Нет.

Она положила руку ему на член. Внезапно Эду стало ясно, что тот даже не встрепенется.

Она взглянула на него. Ее волосы наполовину закрывали лицо, и она сдула их в сторону.

– Такой облом – потерять и работу, и дом. Ты понятия не имеешь, каково это – по-настоящему быть на мели. – Она глядела на него, словно взвешивала, что рассказать. – Я хочу сказать – совсем на мели.

– Что… что ты имеешь в виду?

– Ну… я должна своему бывшему кучу денег, но сказала, что не могу отдать. У меня слишком большие долги по кредитной карте. А он продолжает мне названивать и все время твердит о деньгах. Это очень раздражает. Он не понимает, как сильно я нервничаю.

– О какой сумме речь?

– О большой.

– О какой? – Он сомневался, хочет ли знать.

Она ответила. У него отвисла челюсть, и Дина добавила:

– Только не пытайся одолжить мне денег. Я не стану брать деньги у своего парня. Это все усложняет. Но моя жизнь превратилась в кошмар.

Эд старался не переживать из-за того, что она назвала его «своим парнем». Он взглянул на нее и увидел, что ее нижняя губа дрожит. Он сглотнул:

– Гм… У тебя все в порядке?

Она улыбнулась слишком поспешно и слишком широко.

– У меня все отлично! Благодаря тебе у меня все в полном порядке. – Она провела пальцем по его груди. – Ладно. Приятно было на время забыть о проблемах. И просто волшебно – ужинать в чудесных ресторанах, не трясясь из-за счета.

Она поцеловала его сосок. Той ночью она спала, закинув на него ногу. Эд лежал без сна и жалел, что не может позвонить Ронану.

Она вернулась в следующую пятницу, и в следующую тоже. Она не понимала его намеков на другие дела в выходные. Отец дал ей денег на ужин.

– Он говорит, такое облегчение снова видеть меня счастливой.

Дина перебежала дорогу от станции подземки. Эд сказал, что у него простуда. Не стоит его целовать.

– Мне наплевать. Все твое – мое, – сказала она и прильнула к его губам на добрых тридцать секунд.

Они поели в местной пиццерии. Он начал испытывать смутную рефлекторную панику при виде Дины Льюис. Она постоянно что-то «чувствовала». Бурно радовалась при виде красного автобуса, хныкала при виде засохшего растения на окне кафе. Она не знала меры ни в чем. Она улыбалась каждому встречному. Иногда она так увлекалась разговором, что ела с открытым ртом. Не закрывала двери, когда писала в его квартире. Казалось, лошадь заглянула с визитом и решила облегчиться.

Он был к этому не готов. Она была слишком навязчивой. Слишком эксцентричной. Слишком, слишком, слишком. Эд хотел жить в квартире один. Он мечтал о тишине, о привычном порядке. Он не мог поверить, что когда-то был одинок.

Той ночью он сказал ей, что не хочет заниматься сексом.

– Я очень устал.

– Спорим, я помогу тебе взбодриться? – Она нырнула под одеяло, и пришлось вытаскивать ее обратно.

Последовала борьба, которая показалась бы забавной в других обстоятельствах: Дина пыталась поймать ртом его член, Эд отчаянно тянул ее вверх за подмышки.

– Я серьезно, Дина. Не… не сейчас.

– Тогда давай обниматься. Теперь я знаю, что тебе нужно не только мое тело! – Она обвила его руку вокруг себя и тихо пискнула от удовольствия, как маленький зверек.

Эд Николс лежал в темноте с широко раскрытыми глазами. За четыре года романа и брака с Ларой он забыл, как легко самый желанный человек на свете может развернуться на сто восемьдесят градусов и превратиться в чудовище, ради спасения от которого не жалко отгрызть себе ногу. Он перевел дыхание.

– Вот что… Дина… в следующие выходные мне надо уехать по делам.

– В какое-нибудь милое местечко? – Она задумчиво провела пальцем по его бедру.

– Гм… в Женеву.

– О-о-о, как мило! Можно я спрячусь в твоем чемодане?

– Что?

– Я могу ждать тебя в гостиничном номере. Когда ты вернешься с деловой встречи, я разглажу твой нахмуренный лоб. – Она провела по его лбу пальцем. Он едва не отшатнулся.

– Правда? Было бы чудесно. Но это совсем не такая поездка.

– Тебе ужасно повезло. Я обожаю путешествовать. Если бы я не оказалась на мели, я бы мигом села в самолет.

– Правда?

– Это моя страсть. Мне нравится быть вольным странником, идти куда глаза глядят. – Она наклонилась, достала сигарету из пачки на прикроватном столике и закурила.

– То есть ты бы хотела снова путешествовать?

– Я бы понеслась со всех ног.

Он немного полежал, размышляя.

– У тебя есть акции и ценные бумаги?

Она скатилась с него и улеглась на подушку.

– Немного. Кажется, бабушка что-то оставила. Сто акций какого-то строительного общества и две сотни «Вулворта»[4]. – Она хохотнула. – И не предлагай мне играть на фондовой бирже, Эд. Я не могу рисковать последним.

– Никакого риска, – не подумав, выпалил он.

– В смысле?

– У нас скоро кое-что выйдет. Через пару недель. Это будет настоящая бомба.

– Кое-что?

– Я не могу тебе все рассказать. Но мы работаем над этим уже довольно давно. Наши акции взлетят вверх. Наши финансисты в этом совершенно уверены. – (Она притихла у него под боком.) – Я знаю, мы почти не разговаривали о работе, но это выльется в немаленькую сумму.

Она явно не поверила:

– Ты предлагаешь мне поставить последние гроши на то, не знаю что?

– Тебе и не надо ничего знать. Надо просто купить несколько акций моей компании. – Он повернулся на бок. – Слушай, если ты наскребешь пару тысяч фунтов, я гарантирую, что через две недели тебе хватит денег, чтобы вернуть долг бывшему. И ты будешь свободна! И сможешь делать все, что угодно! Езжай куда вздумается!

Повисло долгое молчание.

– Вот как ты зарабатываешь деньги, Эд Николс? Соблазняешь женщин и уговариваешь их купить акции твоей компании на несколько тысяч фунтов?

– Нет, это…

Она повернулась, и он увидел, что она шутит. Она погладила его по щеке:

– Ты так добр ко мне. И это славная идея. Но у меня нет пары тысяч.

Он опять заговорил, не подумав:

– Я одолжу. Если заработаешь, вернешь. Если нет – сам виноват, что дал никчемный совет.

Она засмеялась, но умолкла, когда поняла, что он не шутит.

– Ты сделаешь это ради меня?

Эд пожал плечами:

– Честно? Пять штук для меня не такая уж крупная сумма.

«И я заплачу в десять раз больше, лишь бы ты отвалила».

Ее глаза широко распахнулись.

– Ух ты! Еще никто не был так добр ко мне.

– Это вряд ли.

Утром он выписал ей чек. Она закалывала волосы и строила рожи перед зеркалом в прихожей. От нее смутно веяло яблоками.

---

[4] *«Вулворт»* – крупная международная сеть розничной торговли.

– Имя не вписывай, – сказала она, когда поняла, что он делает. – Я попрошу своего брата заняться этим. Он неплохо разбирается в этих ваших акциях и ценных бумагах. Еще раз, что я должна купить?

– Ты серьезно?

– Ничего не могу поделать. Рядом с тобой у меня мысли путаются. – Она провела ладонью по его трусам-боксерам. – Я верну тебе деньги, как только смогу. Обещаю.

– Вот. – Эд достал визитную карточку и отступил. – Это название компании. Сделай, что я говорю. Обещаю, это поможет. Мне невыносимо думать, что ты оказалась в стесненном положении!

Он заставил замолчать предупреждающий голосок в голове и фальшиво рассмеялся. По квартире раскатилось эхо.

Эд ответил почти на все ее электронные письма. Он был жизнерадостным и уклончивым. Писал, как приятно проводить время с человеком, который понимает, насколько странно себя чувствуешь после завершения серьезных отношений, насколько важно порой побыть в одиночестве. На это письмо она не ответила. Странно, но она не упомянула ни запуск продукта, ни стремительный взлет акций. Она должна была заработать больше ста тысяч. Возможно, она усердно втыкала булавки в его фотографию и не хотела отвлекаться. Или потеряла чек. Или укатила в Гваделупу. Каждый раз, когда он думал о том, что сделал, у него сосало под ложечкой. Он старался об этом не вспоминать.

Он сменил номер мобильного телефона, уверяя себя, что забыл сообщить его Дине по чистой случайности. В конце концов она перестала писать. Прошло два месяца. Эд с Ронаном пару раз посидели в баре, обсуждая Костюмов. Эд слушал, как Ронан взвешивает достоинства и недостатки девушки из благотворительной столовой, и ему казалось, что он выучил важный урок. Или уклонился от пули. Он точно не знал.

А потом, через две недели после запуска SFAX, он лежал в комнате креативщиков, лениво бросал пенопластовый мячик в потолок и слушал рассуждения Ронана о глюке в платежном обеспечении, когда вошел Сидней, финансовый директор. И внезапно Эд понял, что можно огрести проблемы намного хуже, чем навязчивая подружка.

– Эд?

– Что?

Короткая пауза.

– Вот как ты отвечаешь на телефонные звонки! Просто замечательно! В каком возрасте ты планируешь приобрести хотя бы элементарные навыки общения?

– Привет, Джемма. – Эд вздохнул, свесил ногу с кровати и сел.

– Ты говорил, что собираешься заехать. Неделю назад. Я и подумала: может, тебя мебелью придавило.

Он обвел взглядом спальню. Пиджак от костюма на спинке стула. Четверть восьмого на часах. Он потер затылок:

– Ну. Да. Дел невпроворот.

– Я позвонила тебе на работу. Сказали, ты дома. Ты заболел?

– Не заболел, просто… есть одно дело.

– Значит, у тебя найдется время повидаться с папой?

Он закрыл глаза:

– Я немного занят.

Сестра тягостно молчала. Он представил, как она сидит, выпятив подбородок и подняв глаза к небу.

– Он спрашивает о тебе. Спрашивает уже целую вечность.

– Я приеду, Джемм. Просто… я… сейчас не в городе. Мне нужно кое с чем разобраться.

– Всем нужно с чем-то разбираться. Просто позвони ему, ладно? Даже если на самом деле не сядешь в одну из своих восемнадцати роскошных машин, чтобы навестить отца. Позвони ему. Его перевели в отделение «Виктория». Ему дадут трубку, если ты позвонишь.

– Хорошо.

Он думал, что она положит трубку, но она не положила. Он услышал тихий вздох.

– Я очень устала, Эд. Начальству не слишком нравится, когда я отпрашиваюсь с работы. Так что мне приходится ездить к нему каждые выходные. Мама вот-вот сорвется. Мне правда очень, очень нужно, чтобы кто-нибудь мне помог.

Он ощутил укол вины. Его сестра не из нытиков.

– Я же сказал, что постараюсь приехать.

– Ты говорил то же самое на прошлой неделе. Послушай, ты доедешь до него за четыре часа.

– Я не в Лондоне.

– А где ты?

Он взглянул в окно на темнеющее небо:

– На южном побережье.

– У тебя отпуск?

– Нет, не отпуск. Это сложно.

– Это не может быть так уж сложно. У тебя нет никаких обязательств.

– Угу. Спасибо, что напомнила.

– Да ладно. Это твоя компания. Ты устанавливаешь правила, верно? Просто выпиши себе дополнительные две недели отпуска. Будь Ким Чен Ыном своей компании. Диктатором!

Снова долгое молчание.

– Ты какой-то странный, – наконец сказала она.

Эд глубоко вдохнул, прежде чем заговорить.

– Я что-нибудь придумаю. Обещаю.

– Хорошо. И позвони маме.

– Позвоню.

Щелчок ознаменовал окончание разговора. Эд взглянул на телефон и позвонил в офис своего адвоката, но попал на автоответчик.

Следователи вытащили все ящики в его квартире, все до единого. Они не выбрасывали вещи на пол, как в кино, но методично просмотрели их в перчатках, прощупывая складки футболок, заглядывая в каждую папку. Оба его ноутбука, карты памяти и два телефона изъяли. Ему пришлось подписать разрешения, будто это делалось ради его же блага.

– Уезжай из города, Эд, – посоветовал ему адвокат. – Просто уезжай и постарайся поменьше думать. Я позвоню, если надо будет, чтобы ты приехал.

Они явно обыскали и это жилье. Здесь было так мало вещей, что обыск должен был занять меньше часа.

Эд оглядел спальню загородного дома, пуховое одеяло в накрахмаленном пододеяльнике из бельгийского льна, которое уборщицы положили утром, ящики с запасными джинсами, трусами, носками и футболками.

– Уезжайте из города, – сказал Сидней. – Если правда выплывет наружу, нашим акциям несдобровать.

Ронан не разговаривал с ним с тех пор, как полиция явилась в офис.

Эд взглянул на телефон. Не считая Джеммы, не было ни единого человека, которому он мог позвонить и просто поболтать, не объясняя, что случилось. Все его знакомые были техническими специалистами и, за исключением Ронана, вряд ли считались настоящими друзьями. Он уставился в стену. Подумал о том, что на прошлой неделе четыре раза съездил в Лондон

и обратно только потому, что без работы было нечем заняться. Он вспомнил прошлый вечер, когда так разозлился на Дину Льюис, на Сиднея, на всю ту чертову хрень, которая случилась с его жизнью, что разбил о стену целую бутылку белого вина. Насколько вероятно, что это повторится, если он и дальше будет куковать в одиночестве? Ничего другого не остается. Он натянул пиджак, взял связку ключей из сейфа рядом с задней дверью и направился к машине.

4. Джесс

Танзи всегда была немного особенной. В год выстраивала кубики в ряды или составляла в узоры, а после вытаскивала один или два, создавая новые формы. К двум годам полюбила цифры. В дошкольном возрасте читала сборники математических задач и задавала вопросы вроде «Почему единица пишется как „1“, а не как „2“?» или сообщала Джесс, что умножение – «всего лишь другой способ сложения». В шесть лет могла объяснить, что такое «замощение плоскости».

Марти это не нравилось. От одержимости дочери цифрами ему было не по себе. Но Марти было не по себе от всего «не нормального». Танзи была счастлива, когда сидела и размышляла над задачами, которые никто из них не мог понять. Мать Марти называла ее зубрилой, когда изредка навещала внуков. Судя по ее тону, это не было комплиментом.

– И что ты собираешься делать?

– Сейчас ничего нельзя сделать.

– Разве не странно, если она станет тусоваться с детьми из частной школы?

– Не знаю. Наверное. Но это будет нашей проблемой. Не ее.

– А если она отдалится от тебя? Подружится с богатенькими и начнет стесняться собственной семьи?

– Что?

– Я просто предположила. Ты не боишься заморочить ей голову? Она может забыть, откуда родом.

Джесс взглянула на Натали за рулем:

– Нат, она родом из трущоб. Я буду только рада, если у нее обнаружат болезнь Альцгеймера на ранней стадии.

Натали довольно странно отреагировала на рассказ Джесс о собеседовании. Казалось, подруга восприняла это близко к сердцу. Все утро она трещала, как охотно ее дети ходят в местную школу, как она рада, что они «нормальные», как нелегко ребенку быть «особенным». Но для Джесс было главным, что после собеседования ее дочь оживилась впервые за много месяцев. Танзи набрала сто процентов баллов по математике и девяносто девять процентов по невербальным рассуждениям. (Ее по-настоящему расстроил недостающий процент.) Мистер Цвангараи сообщил результат по телефону и сказал, что могут найтись другие источники финансирования. Он упорно называл это «деталями», но тем, кто считает деньги «деталями», вряд ли приходилось из-за них переживать.

– И к тому же ей придется носить эту чопорную форму, – сказала Натали, когда они затормозили у «Бичфранта».

– Она не будет носить чопорную форму, – раздраженно ответила Джесс.

– Тогда ее станут дразнить, что она не такая, как все.

– Она не будет носить чопорную форму, потому что не пойдет в эту чертову школу. У меня нет ни малейшего шанса отдать ее туда. Ясно?

Джесс хлопнула дверцей машины и пошла впереди, чтобы не пришлось ничего больше выслушивать.

Только местные называли «Бичфрант» загородным комплексом. Застройщики называли его курортным поселком. Это не был загородный комплекс вроде стоянки для автофургонов «Си брайт» на вершине холма – беспорядочного нагромождения потрепанных ветром домов на колесах и сдающихся летом в аренду палаток. Это был ровный строй дизайнерских «жилых пространств» среди чистеньких дорожек и домиков, на ухоженных лесистых участках. Здесь имелся спортивный клуб, спа, теннисные корты, огромный комплекс с бассейном, которым местным так и не разрешили пользоваться, горстка бутиков с непомерно задранными ценами и

мини-супермаркет, чтобы обитателям комплекса не приходилось выбираться в городские трущобы. По вторникам, четвергам и пятницам «Бенсон и Томас» убирали два четырехкомнатных съемных дома с видом на клуб, затем переходили к более новым зданиям: шести современным домам со стеклянными фасадами, которые стояли на меловых скалах и смотрели прямо на море. Безукоризненная «ауди» на подъездной дорожке мистера Николса никогда не трогалась с места. Как-то раз приехала женщина, назвавшаяся его сестрой, с двумя маленькими детьми и усталым мужем (они оставили дом безупречно чистым). Сам мистер Николс приезжал редко и ни разу за тот год, что они у него убирались, не пользовался ни кухней, ни прачечной. Джесс подрабатывала, стирая и гладя его полотенца и простыни каждую неделю для несуществующих гостей. От сланцевых полов отражалось эхо, бескрайние пространства жилых комнат устилали циновки из морской травы, в стены была встроена дорогая аудиосистема. За стеклянными фасадами открывалась широкая голубая дуга горизонта. Но не было ни фотографий на стенах, ни свидетельств хоть какой-нибудь жизни. Натали поговаривала, что, даже когда хозяин приезжает, он здесь только ночует. Очевидно, он водил сюда женщин – Натали однажды нашла в ванной губную помаду, и в прошлом году они обнаружили под кроватью крошечные кружевные трусики («Ла Перла») и верх от бикини, – но больше о нем ничего нельзя было понять. Джесс подумала о собственном доме, об узкой скрипящей лестнице, отслаивающихся обоях и, против обыкновения (она редко сравнивала дома клиентов со своим – так и рехнуться недолго) помечтала о столь обширном пространстве. Мистеру Николсу никогда не приходилось ставить вешалку для одежды на лестничной площадке второго этажа, у него никогда не кончалось место на книжных полках. Он никогда не беспокоился, где взять денег на регистрационный взнос.

– Он дома, – пробормотала Натали.

Когда они закрыли переднюю дверь, по коридору эхом раскатился мужской голос, громкий, настоятельный. Похоже, мистер Николс разговаривал по телефону. Натали скорчила Джесс рожицу и медленно пошла по коридору.

– Уборщицы, – пропела она.

Хозяин не ответил, но наверняка услышал.

Спор продолжался все время, пока они убирались на кухне. Он использовал одну кружку, и в мусорной корзине лежали две пустые картонки из-под еды навынос. В углу у холодильника валялись мелкие зеленые осколки стекла, как будто крупные убрали, а остальные поленились. Стены были залиты вином. Джесс тщательно их вымыла. В доме пахло, как на пивоварне. И мистер Николс продолжал спорить. Она не разбирала слов, поскольку он разговаривал в дальней комнате, за полузакрытой дверью, но даже отсюда было ясно, что он злится. Они с Натали работали молча, переговаривались шепотом, пытаясь сделать вид, что ничего не слышат. Когда они закончили на кухне, Натали перебралась в гостиную, а Джесс спустилась в прихожую. Она убрала туалет на первом этаже, затем столовую с новехоньким столом из беленого дуба и такими же стульями. Протерла пыль с рамок для фотографий, подвинув несколько штук на пару сантиметров – так было заметно, что она поработала. На террасе стояла пустая бутылка «Джек Дэниелс» и стакан. Джесс отнесла их в дом.

За мытьем посуды она думала о Никки. Вчера он вернулся из школы с порезанным ухом и испачканными в пыли коленями. Отвечать на вопросы не стал. В последнее время он предпочитал собеседников по ту сторону экрана – парней, которых Джесс никогда не встречала и не встретит, парней, которых он называл «ГоЛоВоРез» и «Тер Минатор». Они стреляли и потрошили друг друга забавы ради. Разве его можно винить? Похоже, его жизнь превратилась в настоящее поле военных действий.

Она вспомнила, как Танзи разговаривала с тем учителем математики. После собеседования Джесс постоянно лежала без сна, мысленно подсчитывала деньги, неумело добавляла и вычитала – Танзи наверняка посмеялась бы над ней. Стипендия не выходила у нее из головы.

Обосновалась в ней, словно зубная боль, и Джесс постоянно о ней беспокоилась, пыталась изобрести способ превратить финансовую муху в слона. Она продала свои вещи. Составила мысленные списки людей, теоретически способных одолжить денег и подождать с возвращением долга. Включила в них самых вероятных и самых невероятных людей – свою мать, тетю Нелл из Дорсета, отставного учителя, у которого она убиралась и который всегда говорил, что Танзи умная девочка, – но даже если удастся выпросить пятьдесят фунтов здесь и там, никто не даст в десять раз больше. Ни у кого из знакомых даже не водится таких денег.

Разве что у акул, которые кружат по району со своими скрытыми четырехзначными ставками процента. Джесс не раз видела, как дружелюбные кредитные представители превращаются в финансовых стервятников с глазами-буравчиками. И она вновь и вновь вспоминала слова Марти. Может, в Макартурз не так уж и плохо? Некоторые дети спокойно в ней учатся. Танзи тоже может, если станет держаться подальше от нарушителей спокойствия. Горькая правда была видна как на ладони. Джесс должна сказать дочери, что не может наскрести денег. Джесс Томас, которая всегда находит выход, которая всю жизнь твердит детям, что все будет хорошо, не может сделать так, чтобы все было хорошо. Она закончила прибираться в столовой, в которой никто никогда не обедал, и дальним уголком сознания отметила, что громкий разговор прекратился. Очевидно, мистер Николс наконец положил трубку. Она потащила пылесос по коридору, поморщилась, когда тот ударил ее по голени, и постучала в дверь, чтобы узнать, не надо ли убраться в кабинете. Никто не ответил, и когда она постучала еще раз, мистер Николс внезапно крикнул:

– Я прекрасно это знаю, Сидней. Вы пятнадцать раз это повторили, но это не значит…

Слишком поздно: она приоткрыла дверь. Джесс попыталась извиниться, но мужчина поднял руку, даже не взглянув на нее, как будто она была кем-то вроде собаки: «Сидеть!» Затем он захлопнул дверь у нее перед носом, так что весь дом содрогнулся. Джесс смущенно стояла, не в силах пошевелиться от потрясения, и по ее коже бегали мурашки.

– Я же тебе говорила, – сказала Натали через несколько минут, яростно надраивая гостевую ванную. – В частных школах не учат хорошим манерам.

Через сорок минут они закончили. Джесс со злостью запихала нетронутые белые полотенца мистера Николса в свой мешок. Спустилась в прихожую и поставила мешок рядом с ящиком с принадлежностями для уборки. Натали полировала дверные ручки. Это было ее коньком. Она терпеть не могла отпечатки пальцев на кранах или дверных ручках. Иногда задерживалась минут на десять, чтобы все протереть.

– Мистер Николс, мы уходим.

Он стоял на кухне и смотрел через окно на море, рассеянно положив руку на голову. У него были темные волосы и якобы модные очки, в которых кто угодно похож на Вуди Аллена. Костюм сидел на нем, как на двенадцатилетнем ребенке, которого заставили явиться на крестины.

– Мистер Николс.

Он едва заметно покачал головой, вздохнул и пошел по коридору.

– Хорошо, – рассеянно произнес он, не сводя глаз с экрана мобильного телефона. – Спасибо.

Они ждали.

– Гм, как насчет денег?

Натали закончила полировать дверные ручки и сложила салфетку, затем развернула и сложила заново. Она ненавидела разговоры о деньгах.

– Я думал, вам платит управляющая компания.

– Они не платят уже три недели. А в офисе вечно ни души. Если вы хотите, чтобы мы и дальше убирались у вас, рассчитайтесь с долгами.

Он порылся в карманах, достал бумажник:

– Хорошо. Сколько я должен?

– Тридцать умножить на три недели. И три недели стирки. – (Он взглянул на них, подняв бровь.) – На прошлой неделе мы оставили сообщение на вашем телефоне.

Он покачал головой, как будто помнить подобные мелочи – ниже его достоинства:

– Сколько всего?

– Итого сто тридцать пять.

Он пошуршал банкнотами:

– У меня нет столько наличных. Могу дать шестьдесят и велеть компании прислать чек на остаток. Хорошо?

В другой раз Джесс согласилась бы. В другой раз спустила бы ему это с рук. В конце концов, он же не собирался их грабить. Но внезапно она до смерти устала от богатых людей, которые никогда не платят вовремя, которые полагают, что если семьдесят пять фунтов – пустяки для них, то семьдесят пять фунтов – пустяки и для нее. Она до смерти устала от клиентов, которые считают ее настолько ничтожной, что могут захлопнуть дверь у нее перед носом и даже не извиниться.

– Нет! – звонко возразила она. – Заплатите сейчас, пожалуйста.

Он впервые посмотрел ей в глаза. За ее спиной Натали лихорадочно протирала дверную ручку.

– У меня есть неоплаченные счета. И мне не позволят неделями тянуть с оплатой.

Она не могла выбросить из головы, как он небрежно взмахнул рукой и грубо захлопнул дверь у нее перед носом.

Он нахмурился, как будто она была слишком несговорчивой. За это она невзлюбила его еще больше. Ей захотелось посоветовать ему засунуть свою дурацкую работу куда подальше. Но некоторые принципы обходятся слишком дорого.

– Гляну наверху. – Он исчез.

Они неловко молчали и слушали, как он решительно задвигает ящики, гремит вешалками в шкафу. Наконец он вернулся с пригоршней банкнот. Отлепил несколько штук и не глядя сунул Джесс. Она собиралась что-нибудь сказать – например, что не обязательно вести себя как козел, что жизнь становится приятнее, если не хамить друг другу. От ее слов Натали наверняка принялась бы натирать дверную ручку. Ну и пусть. Нечего протягивать ей деньги как подачку. Но едва она открыла рот, как зазвонил телефон. Не проронив ни слова, мистер Николс отвернулся и зашагал по коридору с трубкой у уха.

– Что это в корзине у Нормана?

– Ничего.

Джесс разбирала покупки, вытаскивала продукты из пакетов, поглядывая на часы. Впереди была трехчасовая смена в «Перьях», и оставался всего час, чтобы выпить чая и переодеться. Она спрятала две банки в глубине шкафа, за пакетами с хлопьями. Ее тошнило от магазинных наклеек «Выгодная покупка». Каждый раз, когда она открывала шкаф, кто-то словно кричал: «ЭЙ! ТЫ НИЩАЯ!»

Никки нагнулся и потянул какую-то тряпку, так что пес неохотно поднялся.

– Это белое полотенце, Джесс. Дорогущее. Оно все в шерсти Нормана. И в слюнях. – Он поднял полотенце двумя пальцами.

– Позже постираю, – отозвалась она, не оборачиваясь.

– Это папино?

– Нет, не папино.

– Я не понимаю…

– Могу я себя побаловать? Убери продукты в холодильник.

Никки наклонился над кухонной столешницей, глядя на сад. Сушилка крутилась на ветру, развешанные тряпки реяли, словно флажки, над геранями в горшках и велосипедом, который Джесс выкрасила розовой краской с блестками, теперь облупленной, словно лак для ногтей.

– Шона Брайант издевалась над Танзи на автобусной остановке. Из-за одежды.

– А что не так с ее одеждой? – Джесс повернулась к Никки с банкой консервированных помидоров в руках.

– Ты сама ее шьешь.

– Откуда Шона знает, что я сама ее шью?

– Спросила у Танзи, где она покупает одежду, и Танзи не стала скрывать. Ты же ее знаешь.

– Но ей нравится то, что я шью. В смысле… она охотно это носит.

– Это Шона Брайант заявила, что у нас странный дом, потому что у нас слишком много книг.

– Шона Брайант – идиотка.

Никки погладил Нормана.

– А еще пришло повторное извещение из электрической компании.

– Сколько? – тихонько вздохнула Джесс.

Никки просмотрел стопку бумаг на буфете:

– Итого больше двух сотен.

Джесс достала пакет хлопьев.

– Я разберусь.

Никки открыл дверцу холодильника.

– Ты должна продать машину.

– Я не могу ее продать. У твоего отца ничего нет, кроме нее.

– Но он мог бы зарабатывать на ней деньги. И отдавать тебе часть.

Иногда Джесс толком не понимала, почему до сих пор защищает Марти.

– Ее негде поставить рядом с домом его матери. Неважно. Он со всем разберется, когда встанет на ноги. А теперь марш наверх. Ко мне кое-кто должен зайти.

Гостья уже показалась за домом.

– Мы покупаем вещи у Айлин Трент? – Никки смотрел, как Айлин открывает и аккуратно закрывает калитку.

У Джесс невольно вспыхнули щеки.

– Только в этот раз.

Он уставился на нее:

– Ты говорила, у нас нет денег.

– Просто я хочу, чтобы Танзи поменьше переживала из-за школы.

Джесс приняла решение по дороге домой. Идея со школой – верх нелепости. Они и так едва сводят концы с концами. Нет смысла даже пытаться наскрести деньги.

Никки продолжал смотреть на нее.

– Но Айлин Трент! Ты говорила…

– Ты сам сказал, что над Танзи издеваются из-за одежды. Иногда, Никки… – Джесс воздела руки к потолку. – Иногда цель оправдывает средства.

Никки смотрел на нее так долго, что ей стало не по себе. А после поднялся наверх.

– Итак, я принесла несколько очаровательных вещиц для юной леди с безупречным вкусом. Все девочки просто обожают дизайнерскую одежду. Я взяла на себя смелость захватить кое-что еще, хотя вы предупреждали, что не заинтересованы.

На «работе» Айлин говорила чопорно, с преувеличенно четкой дикцией. Странно было слышать подобную речь из уст женщины, которую не раз выставляли из «Королевских доспе-

хов» на глазах у Джесс. Айлин села по-турецки на пол, запустила руку в черную сумку, достала несколько вещей и аккуратно разложила на полу: верх отдельно, низ отдельно.

– Это топ «Холлистер». Девочки обожают «Холлистер». В магазинах стоит как самолет. В другой сумке у меня еще несколько дизайнерских вещей, хотя вы говорили, что высший класс вас не интересует. Два кусочка сахара, пожалуйста.

Восково-бледная Айлин еженедельно обходила округу, волоча за собой большую черную сумку на колесах. Она была такой же неотъемлемой частью пейзажа, как почтальон, и появлялась так же регулярно.

«Нужно быть профессионалом, чтобы преуспевать в бизнесе», – глубокомысленно заявляла она; светлые глаза медленно моргали на призрачном лице.

Джесс всегда отказывалась, вежливо, но решительно. Никто в округе не обсуждал, где Айлин берет свои товары по бросовым ценам, новые, с этикетками. Однако все знали. Джесс часто говорила Марти, что Айлин подает детям дурной пример.

Но это было раньше.

Джесс подняла два топа – полосатый и пыльно-розовый. Танзи они будут к лицу.

– Сколько?

– Десять за топ, пять за футболку и двадцать за кроссовки. Посмотрите на ценник – они идут по восемьдесят пять. Скидка что надо.

– Это для меня слишком дорого.

– Что ж, поскольку вы новый клиент, я могу предложить вам вступительный бонус. – Айлин подняла к глазам блокнот и сощурилась, глядя на цифры. – Если вы возьмете три вещи, я добавлю к ним джинсы. Бесплатно. – Она жизнерадостно улыбнулась, сверкнув дыркой в зубах. – Тридцать пять фунтов за полный комплект, включая обувь. А еще, только в этом месяце, маленький браслет в подарок. В «ТК Макс»[5] таких цен не бывает.

Джесс смотрела на чудесную одежду, разложенную на полу. Ей хотелось, чтобы Танзи улыбалась. Хотелось, чтобы дочь почувствовала, что в жизни есть место приятным сюрпризам, а не только уставшей, заработавшейся матери, у которой вечно нет на нее времени, и отсутствующему отцу, который общается с ней раз в неделю через компьютер.

Хотелось сообщить ей не только плохую, но и хорошую новость.

– Подождите минутку.

Она отправилась на кухню, достала из шкафа жестянку из-под какао, в которой держала деньги на электричество. Пересчитала монеты и опустила в липкую ладонь Айлин, прежде чем сообразила, что делает.

– Приятно иметь с вами дело, – сказала Айлин, складывая оставшиеся вещи и осторожно убирая в мусорный пакет. – Я вернусь через две недели. Если что-то понадобится раньше, вы знаете, где меня найти.

– Нам больше ничего не нужно, спасибо.

Айлин лукаво посмотрела на Джесс. «Ну конечно. Все вы так говорите, милочка».

Джесс вошла в комнату Никки. Он продолжил смотреть на экран.

– Натали привезет Танзи после математического кружка. Тебя можно оставить одного?

– А то.

– Не кури.

– Угу.

– Ты собираешься повторять пройденное?

– А то.

[5] *«ТК Макс»* – сеть дисконтных магазинов дизайнерской одежды и обуви.

Иногда Джесс мечтала, какой матерью была бы, если бы не работала с утра до вечера. Она пекла бы с детьми кексы и давала им облизывать миску. Чаще улыбалась. Сидела с детьми на диване и по-настоящему с ними беседовала. Стояла над ними у кухонного стола, находила ошибки в домашних заданиях и старалась, чтобы дети учились на «отлично». Выполняла все их просьбы, а не отвечала:

«Извини, солнышко, но мне надо приготовить ужин».

«Конечно, только стирку поставлю».

«Мне надо идти, золотко. Расскажешь, когда вернусь со смены».

Она смотрела на непроницаемое лицо Никки, и в ее душе сгущалось странное дурное предчувствие.

– Не забудь погулять с Норманом. И не подходи к винному магазину.

– На фиг надо.

– И не сиди весь вечер за компьютером.

Он уже повернулся к экрану.

Она взяла его за пояс джинсов.

– И поддерни штаны, не то я натяну тебе трусы на уши.

Он обернулся, и на мгновение на его губах мелькнула улыбка. Выходя из комнаты сына, Джесс осознала, что уже очень давно не видела, как он улыбается.

5. Никки

Мой отец – настоящий козел.

6. Джесс

Паб «Перья» расположен между библиотекой (закрыта с января) и «Счастливой камбалой» (работает с одиннадцати утра до одиннадцати вечера круглый год). При неярком освещении можно было поверить, что на дворе до сих пор 1989-й. Дес, владелец, неизменно щеголял в выцветших гастрольных футболках и джинсах, а в холод надевал кожаную куртку. Подвернешься ему под руку тихим вечером – и придется выслушивать сравнение достоинств гитар «Фендер стратокастер» и «Рикенбакер 330» или благоговейную декламацию «Money For Nothing»[6].

«Перья» не были модным местом, в отличие от баров «Бичфранта», и в них не водилось ни свежих морепродуктов, ни тонких вин, ни семейных меню для орущих детишек. В них подавали разных мертвых животных с жареной картошкой и ржали при слове «салат», зато в большом почете были чипсы, которых насчитывалось не меньше двадцати восьми сортов. В интерьере не было ничего оригинальнее Тома Петти[7] в музыкальном автомате, потрепанной мишени для дротиков на стене и ковра, от которого по утрам так сильно пахло пивом и застарелым табачным дымом, что местные жители могли появиться на работе под хмельком, если медленно шли мимо паба.

Но в результате получалось отлично. Большая редкость для приморского городка: в «Перьях» жизнь кипела круглый год.

– Роксанна пришла? – Джесс нанизывала на шампур полоски бекона, когда Дес вынырнул из погреба, где дегустировал свежий бочонок традиционного эля.

– Не-а. У них с матерью какой-то сеанс. – Он ненадолго задумался. – Лечатся… или гадают. У психиатра… психолога…

– Может, у медиума?

– Тебе говорят то, что ты и сам знаешь, и надо делать вид, будто это круто.

– А, у ясновидящего.

– Платишь тридцать фунтов за билет, сидишь с бокалом дрянного белого вина и кричишь «Да!», если спросят, нет ли у кого-нибудь из публики родственника, имя которого начинается с буквы «Д». – Он наклонился и с ворчанием захлопнул дверь погреба. – Я тоже умею предсказывать, Джесс. Причем задаром. Предсказываю: этот тип сидит дома, потирает руки и думает: «Толпа идиотов».

Джесс вытащила поддон с чистыми стаканами из посудомоечной машины и принялась расставлять их на полках над баром.

– Ты-то веришь во всю эту хрень?

– Нет.

– Ну конечно. Ты же умная девочка. Роксанна такое иногда отчебучивает! Но хуже всего ее мамаша. Она верит, будто у нее есть ангел-хранитель. Ангел! – Дес передразнил мать Роксанны, скосив глаза на собственное плечо и похлопав по нему. – Верит, будто ангел защищает ее. Тогда почему он не мешает спускать всю зарплату на телемагазины? Казалось бы, ангел должен намекнуть. «Эй, Морин! Тебе вовсе не нужен этот роскошный чехол для гладильной доски с изображением собаки. Честное слово, милая. Лучше вложи денежки в будущую пенсию».

Джесс невольно рассмеялась, несмотря на все свои несчастья. В пабе трудно было не смеяться. Мужчины у барной стойки были благовоспитанными, насколько могут быть благовоспитанными мужчины, повторяющие алфавит под аккомпанемент отрыжки, разговоры – весе-

[6] «Деньги за так» (1985) – сингл британской рок-группы «Дайр стрейтс».

[7] *Том Петти* (р. 1950) – американский рок-музыкант, играющий традиционный рок конца 1960-х.

лыми, и, значит, два вечера и два дня в неделю ей не приходилось сидеть дома с кучей чужого грязного белья и переживать из-за того, с чем она не в состоянии справиться.

– Ты рано. – Дес выразительно посмотрел на часы.

– Сломала каблук.

Челси бросила сумку под барную стойку и поправила волосы.

– Я болтала в чате со своим поклонником, – сообщила она Джесс, словно Деса рядом не было. – Он просто прелесть.

Все поклонники Челси из Интернета были прелесть. До встречи в реальной жизни.

– Его зовут Дэвид. Он ищет девушку, которой нравится готовить, убираться и гладить. И иногда ходить в походы.

– В супермаркет? – съязвил Дес.

Челси сделала вид, что не слышит. Она взяла тряпку и принялась протирать стаканы.

– Бросай эту работу, Джесс. Тебе надо развлекаться, а не гнить здесь со старыми обвисшими мошонками.

– Ты кого назвала старым?

Намечался футбол, и это означало, что Дес выставит бесплатные чипсы и сырные кубики, а если особенно расщедрится, то и булочки с сосисками. С разрешения Деса Джесс забирала домой оставшиеся кубики и готовила макароны с сыром, пока Натали не просветила ее, сколько процентов мужчин, по статистике, моют руки после посещения уборной.

Бар заполнялся, матч начался, вечер тек своим чередом. Джесс наливала пинту за пинтой в паузах для комментаторов, помалкивая под рев спутникового телевизора на дальней стене и снова думая о деньгах. В школе сказали – конец июня. Если она не внесет регистрационный взнос к тому времени, все кончено. Можно подкопить денег за год и попробовать снова в двенадцать лет, но нет гарантии, что стипендию не отменят. Она так погрузилась в раздумья, что обратила внимание на Деса, только когда он грохнул миской чипсов о стойку.

– Все забываю сказать: на следующей неделе доставят новую кассу. Из тех, на которых все написано. Надо только тыкать в экран.

Она отвернулась от дозатора:

– Новую кассу? Зачем?

– Нынешняя старше меня. И не все барменши считают так хорошо, как ты. В прошлый раз, когда Челси оставалась одна, я проверил выручку и недосчитался одиннадцати фунтов. Попроси ее сложить двойной джин, пинту «Вебстера» и пакетик жареного арахиса, и у нее глаза будут в кучку. Нужно двигаться в ногу со временем. – Он провел рукой по воображаемому экрану. – Цифровая точность. Тебе понравится. Мозгами можно вообще не пользоваться. Прямо как Челси.

– А можно мне работать со старой? Я ничего не понимаю в компьютерах.

– Научишься. Мы устроим обучение сотрудников.

– Обучение сотрудников?

– На полдня. Увы, неоплачиваемое. Придет парень и все покажет.

– Неоплачиваемое?

– Просто води руками туда-сюда. Как в «Особом мнении». Только без лысых людей. К тому же есть еще Пит. ПИТ!

Лайам Стаббс пришел в четверть десятого, наклонился над стойкой и прошептал Джесс на ухо:

– Привет, красотка.

Она не обернулась.

– А! Снова ты.

– Похоже, ты рада меня видеть. Пинту «Стеллы», пожалуйста. – Он оглядел бар и добавил: – И еще что-нибудь со скидкой.

– Рекомендую сушеных кальмаров.

– Я надеялся на что-то более… влажное.

– Тогда налью пива.

– Продолжаешь разыгрывать недотрогу?

Джесс и Лайам были знакомы со школы. Подобные мужчины способны разбить девушке сердце на мелкие осколки. Помнишь голубоглазого, острого на язык парня, который не обращал на тебя внимания в четырнадцать и пятнадцать лет, с шутками и прибаутками уложил в постель, когда ты сняла скобки и отрастила волосы, а после только жизнерадостно махал рукой и подмигивал. У Лайама были каштановые волосы и высокие, слегка загорелые скулы. Он держал цветочный ларек на рынке и всякий раз, когда Джесс проходила мимо, страстно шептал: «Ты. Я. За георгинами, прямо сейчас». Она даже сбивалась с шага. Жена бросила Лайама примерно в то же время, когда уехал Марти («Подумаешь, изменил пару раз. Тоже мне преступление»), и полгода назад, когда паб в очередной раз работал после закрытия[8], Джесс и Лайам оказались в женской уборной, где он запустил руки ей под блузку. Джесс потом несколько дней улыбалась краешком рта.

Перед отъездом Марти они жили с ним, как сварливые брат и сестра. Иногда он говорил, что устал. Но в основном – что она отбила ему желание своими придирками.

Порой Джесс казалось, что она скучает по сексу, но по Марти она не скучала.

Она выбрасывала в мусорный бак пустые картонные коробки из-под чипсов, когда Лайам появился у задней калитки. Он развязно направился к Джесс, и она медленно попятилась к стене сада. Он улыбался, как будто это была шутка, понятная только им. Остановился в паре дюймов и тихо произнес:

– Я все время о тебе думаю.

Руку с сигаретой он отвел в сторону. Настоящий джентльмен!

– Спорим, ты говоришь это всем девушкам?

– Мне нравится, как ты ходишь за барной стойкой. Половину времени я смотрю футбол, а половину представляю, как нагибаю тебя над ней.

– Кто сказал, что романтики перевелись?

Боже, от него прекрасно пахло. Джесс дернулась, пытаясь высвободиться, пока не сделала чего-нибудь, о чем пожалеет. Рядом с Лайамом Стаббсом в ней оживали давно забытые чувства – так свечка из магазина розыгрышей вспыхивает снова и снова, когда ее задуваешь.

– Так позволь за тобой поухаживать. Давай сходим куда-нибудь. Вдвоем. На настоящее свидание. Пойдем, Джесс. У нас все получится.

– Что? – Джесс отстранилась от него.

– Что слышала.

– Ты хочешь завести со мной отношения? – в изумлении уставилась она на Лайама.

– Можно подумать, это нецензурное слово.

Она вывернулась из-под него, поглядывая на заднюю дверь:

– Лайам, мне нужно в бар.

– Почему ты не хочешь пойти со мной на свидание? – Он шагнул ближе и понизил голос. – Это было бы чудесно, сама знаешь…

– А еще я знаю, что у меня двое детей и две работы, а ты проводишь всю жизнь в своем автомобиле, и не пройдет и трех недель, как мы будем сидеть на диване и спорить, чья очередь

[8] Иногда владельцы пабов запирают двери после официального времени закрытия, чтобы обойти закон, – якобы таким образом это уже не паб, а частная вечеринка.

выбрасывать мусор. – Она мило ему улыбнулась. – И нам больше не придется вести такие увлекательные беседы.

Он взял прядь ее волос и пропустил сквозь пальцы.

– Как цинично! Ты разобьешь мне сердце, Джесс Томас, – хрипло произнес он.

– А меня из-за тебя уволят.

Таких мужчин слишком опасно воспринимать всерьез. Возможно, он прикипел к ней, потому что она единственная в округе не воспринимала его всерьез.

– То есть на быстрый перепихон можно не надеяться?

Она высвободилась и направилась к задней двери, пытаясь согнать краску со щек. Затем остановилась:

– Слушай, Лайам. – (Он поднял глаза, туша окурок.) – Ты, случайно, не хочешь одолжить мне пять сотен фунтов?

– С радостью, детка, если бы они у меня были. – Он послал ей воздушный поцелуй, и Джесс скрылась в баре.

Она обошла стойку, чтобы собрать пустую посуду. Щеки еще горели, когда она увидела его. У нее и правда замедленная реакция. Он, в джинсах, футболке и кедах «Конверс», сидел в углу один, уставившись на мобильный телефон, и перед ним стояли три пустые кружки. Время от времени, когда все одобрительно вопили при виде гола, он поднимал глаза, а потом снова пялился на экран мобильника. Пока Джесс наблюдала за ним, он осушил четвертую кружку. Наверное, он считал, что в джинсах выглядит местным, но у него на лбу было написано «чужак». Когда он посмотрел на барную стойку, Джесс поспешно отвернулась, и ее настроение снова испортилось.

– Я за закусками, – сказала она Челси и спустилась в погреб. – Тьфу, – еле слышно пробормотала она. – Тьфу. Тьфу. Тьфу.

Когда она вышла, у него уже стояла новая пинта и он не сводил глаз с телефона.

Вечер продолжался. Челси обсуждала своих кавалеров из Интернета, мистер Николс выпил еще три пинты, и Джесс пряталась всякий раз, когда он подходил к бару. Она мысленно складывала и вычитала долги и воображаемые выигрыши в лотерею и старалась не смотреть Лайаму в глаза. К десяти минутам одиннадцатого в баре остались лишь немногочисленные завсегдатаи – забулдыги, как говаривал Дес. Челси надела пальто.

– Куда это ты собралась?

Челси наклонилась за дозатором и накрасила губы, глядя в зеркало.

– Дес сказал, что я могу уйти чуть пораньше. – Она промокнула помаду. – Свидание.

– Свидание? Кто ходит по свиданиям на ночь глядя?

– Все в порядке: это свидание в доме Дэвида. – Она повела плечами под взглядом Джесс. – Моя сестра тоже приглашена. Он сказал, что мы чудесно повеселимся втроем.

– Челс, ты в курсе, что такое оргия?

– Что?

Джесс пристально смотрела на нее:

– Ничего. Просто… желаю повеселиться.

Она загружала посудомоечную машину, когда он подошел к стойке. Он слегка покачивался с полузакрытыми глазами, как будто собирался пуститься в пляс.

– Пинту пива, пожалуйста.

Она засунула еще два бокала в проволочную корзину.

– Мы больше не обслуживаем. Уже одиннадцать.

Он посмотрел на часы. У него заплетался язык.

– Еще минута.

– С вас хватит.

Он тупо таращился на нее. Его короткие темные волосы нелепо торчали с одной стороны.

– Да кто вы такая, чтобы говорить, что мне хватит?

– Девушка, которая разливает напитки. В пабах так заведено. – Джесс выдержала его взгляд. – Вы даже не узнаете меня.

– А должен?

Она пристально поглядела на него.

– Секунду. – Джесс вышла из-за стойки и распахнула вращающуюся дверь. Он недоуменно смотрел, как она захлопнула дверь у себя перед носом, подняв руку и открыв рот. Затем снова открыла дверь и встала перед ним. – Теперь узнаете?

Он заморгал. Шестеренки со скрипом завертелись у него в голове.

– Вы… Кажется, я видел вас вчера.

– Уборщица. Точно.

– Да, эта история с дверью. – Он провел рукой по волосам. – Просто у меня… был напряженный разговор.

– Вполне можно было сказать: «Не сейчас, пожалуйста».

– Ладно. Я понял. – Он оперся о барную стойку.

Джесс едва не рассмеялась, когда у него соскользнул локоть.

– По-вашему, вы извинились?

Он осоловело смотрел на нее:

– Простите. Мне очень-очень-очень жаль. Очень жаль. О хозяйка бара! Можно мне теперь выпить?

– Нет. Уже одиннадцать.

– Только потому, что вы меня заболтали.

– У меня нет времени сидеть и ждать, пока вы сосете очередную пинту.

– Тогда налейте чего-нибудь крепкого. Ну же. Мне нужно выпить еще. Налейте водки. Вот, сдачу оставьте себе. – Он с такой силой шлепнул двадцаткой по стойке, что содрогнулся всем телом и откинул голову. – Всего одну порцию. Нет, лучше двойную. Я выпью всего за две секунды. За секунду.

– С вас хватит.

– Ради всего святого, Джесс, налей ему! – крикнул Дес с кухни.

Джесс мгновение стояла, выпятив подбородок, затем повернулась и дважды щелкнула дозатором. Выбила чек и молча положила сдачу на стойку. Он выпил водку, поставил стакан, громко сглотнув, и неуверенно отвернулся.

– Вы забыли сдачу.

– Оставьте себе.

– Мне она не нужна.

– Тогда положите в копилку на благотворительность.

Она собрала монеты и сунула ему в руку:

– Любимый благотворительный фонд Деса – фонд отпуска Деса Харриса в Мемфисе. Заберите деньги, я сказала.

Он заморгал и неуверенно шагнул в сторону, когда Джесс открыла ему дверь. И в этот миг она заметила, что именно он вытащил из кармана. И ослепительно сверкающую «ауди» на парковке.

– Вы никуда не поедете.

– Я в порядке, – отмахнулся он. – Все равно в вашей глуши дороги ночью пустые.

– Вам нельзя за руль.

– Мы черт знает где, если вы не заметили. – Он указал на небо. – До цивилизации несколько миль, и я застрял черт знает где. – Он наклонился вперед, дыша алкоголем. – Я поеду очень, очень медленно.

Он так напился, что Джесс без труда забрала у него ключи.

– Нет! – Она повернулась обратно к бару. – Я не собираюсь отвечать еще и за то, что вы попадете в аварию. Садитесь, я вызову такси.

– Отдайте ключи.

– Нет.

– Вы украли мои ключи!

– Хотите остаться без прав? – Джесс подняла ключи над головой и повернулась к бару.

– Ох, да ради бога! – произнес он, как будто это было последним звеном в длинной цепи неприятностей.

Ей захотелось ударить его.

– Я вызову такси. Просто… просто посидите здесь. Я верну ключи, когда вы благополучно усядетесь в такси.

Она послала Лайаму эсэмэску.

То есть мне сегодня светит? – уточнил он.

Если любишь волосатых мужиков.

Она вернулась на улицу и обнаружила, что мистер Николс исчез. Его машина стояла на месте. Она дважды позвала, предположив, что он отлучился в кусты по нужде, затем посмотрела вниз и увидела, что он крепко спит на скамейке. Судя по позе, он сел, повалился набок и вырубился. Ей захотелось оставить его здесь. Но было прохладно, с моря может подняться туман, и мистер Николс наверняка недосчитается бумажника поутру.

– Я эту пьянь не возьму, – заявил Лайам через водительское окно, когда его такси остановилось на парковке.

– Не волнуйся, он просто спит. Я знаю, где он живет.

– Ну уж нет. В прошлый раз спящий проснулся и заблевал мои новые чехлы для сидений. А после взбодрился и сбежал, не заплатив.

– Он живет в «Бичфранте». Вряд ли сбежит, не заплатив. – Она посмотрела на часы. – Ну пожалуйста, Лайам. Уже поздно. Я хочу домой.

– Так оставь его здесь.

– Ладно. Давай тогда я провожу вас? Если его стошнит – уберу. А потом подбросишь меня домой. Деньги у него есть. – Она подобрала и пересчитала сдачу, которую мистер Николс уронил рядом со скамейкой. – Тринадцать фунтов хватит?

– Ах, Джесс, не мучай меня, – скривился Лайам.

– Пожалуйста, Лайам. – Она улыбнулась и положила ладонь ему на руку. – Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!

Он взглянул на дорогу:

– Ладно. Но если его стошнит, с него тридцать фунтов в счет упущенного заработка. И ты все уберешь.

Она склонилась к лицу спящего мистера Николса, выпрямилась и кивнула:

– Он говорит, его это устраивает.

Лайам кивнул. Прежняя атмосфера флирта испарилась.

– Ну же, Лайам. Помоги усадить его. Мне нужно домой.

Голова мистера Николса лежала у нее на коленях, и Джесс не знала, куда девать руки. Она забросила их на спинку заднего сиденья и всю дорогу молилась, чтобы мистера Николса не стошнило. Всякий раз, когда он стонал или шевелился, она опускала окно или изучала его лицо. Не смей, молча твердила она. Не смей. До загородного комплекса оставалось две минуты, когда зажужжал ее телефон. Белинда, соседка. Джесс, щурясь, всмотрелась в освещенный экран.

Парни снова наехали на Никки. Нашла его у ларька. Найджел отвез его в больницу.

Джесс ощутила ледяную тяжесть в груди. **Уже еду**, – набрала она.

Найджел обещает тебя подождать. Я посижу с Танзи.

Спасибо. Я мигом.

Тревога выбивала барабанную дробь в ее груди. Мистер Николс пошевелился и протяжно всхрапнул. Она смотрела на него, на дорогую стрижку и небесно-голубые джинсы, и внезапно ее охватила ярость. Если бы не он, она уже была бы домой. И гуляла бы с собакой вместо Никки.

– Приехали.

Джесс указала нужный дом, и они потащили мистера Николса, положив его руки себе на плечи. Колени Джесс слегка подгибались под неожиданной тяжестью. Мистер Николс слегка пошевелился, когда она перебирала его ключи у передней двери, пытаясь найти нужный, и в итоге воспользовалась своим.

– Куда его положить? – спросил Лайам, отдуваясь.

– На диван. Я не потащу его наверх.

– Пусть скажет спасибо, что затащили его в дом.

Она проворно уложила мистера Николса набок, чтобы он не захлебнулся рвотой. Сняла с него очки, накрыла подвернувшейся курткой и бросила его ключи на прикроватный столик, который полировала сегодня днем.

И лишь тогда смогла выговорить:

– Лайам, подбрось меня в больницу, пожалуйста. С Никки беда.

Машина бесшумно мчалась по пустым улицам. У Джесс от страха путались мысли. «Что случилось? Сильно ему досталось? Танзи видела?» Под страхом крылись более приземленные соображения: «Придется дежурить в больнице? Такси стоит не меньше пятнадцати фунтов. Черт бы побрал мистера Николса и его дурацкую водку».

– Подождать? – спросил Лайам, подъехав к отделению скорой помощи.

– Было бы здорово. Я на минутку. Только узнаю, как у него дела.

Она выскочила из машины еще на ходу.

Никки лежал в боковой палате. Когда медсестра провела Джесс за занавеску, Найджел встал с пластмассового стула. Доброе одутловатое лицо Найджела было напряжено от беспокойства. Никки лежал, отвернувшись; на скулу была наложена повязка, и над ней уже начал наливаться синяк. Вдоль линии волос тянулся бинт.

Джесс изо всех сил старалась не расплакаться.

– Его будут зашивать. Но домой не отпустят. Сначала проверят, нет ли трещин. – Найджелу явно было не по себе. – Никки просил не вызывать полицию. – Он махнул рукой в сторону улицы. – Если ты не против, я вернусь к Белинде. Уже поздно…

Джесс шепотом поблагодарила его и подошла к Никки. Положила руку на плечо под одеялом.

– Танзи в норме, – прошептал он, не глядя на нее.

– Знаю, милый. – Она села на пластмассовый стул рядом с его кроватью. – Что случилось?

Никки вяло пожал плечами. Он не любил об этом разговаривать. Да и что толку? Всем известно, что к чему. Если ты выглядишь не как все, тебя изобьют. Будешь и дальше выглядеть не как все – продолжат доставать. С логикой приморского городка не поспоришь.

И впервые в жизни Джесс не нашлась, что сказать сыну. Она не могла пообещать, что все будет хорошо, потому что это явно было неправдой. Не могла пообещать, что полиция накажет Фишеров, потому что им вечно все сходит с рук. Не могла пообещать, что все изменится, не успеет Никки и глазом моргнуть. В юности не загадываешь дальше пары недель, и оба они знали, что за это время лучше не станет. И вряд ли станет в обозримом будущем.

Она взяла поцарапанную руку Никки и сжала.

– Все будет хорошо, честное слово, – тихо произнесла она. – Лучше, чем сейчас. Главное – верить. Правда. Будет лучше.

Никки на мгновение встретился с ней взглядом и отвернулся.

– Все нормально? – спросил Лайам, когда она медленно вернулась к машине.

Выброс адреналина закончился, и Джесс горбилась от усталости. Она открыла заднюю дверцу, чтобы забрать куртку и сумку, и Лайам взглянул на ее отражение в зеркале заднего вида.

– Никки жив.

– Сволочи малолетние. Я поговорил с твоим соседом. Кто-то должен что-нибудь сделать. – Он поправил зеркало. – Я бы сам преподал им урок, но могу остаться без лицензии. Это все от скуки. Они только и умеют, что доставать других. Ничего не забыла?

Она наполовину забралась в машину за курткой. И внезапно нащупала что-то ногой. Довольно твердое, цилиндрическое. Джесс убрала ногу и достала толстый рулончик банкнот. Она уставилась на него в полумраке, а затем на то, что валялось рядом. Заламинированный офисный пропуск. Очевидно, деньги и пропуск выпали из кармана мистера Николса, когда он валялся на заднем сиденье. Не раздумывая, Джесс сунула находку в сумку.

– Держи, – сказала она, открывая кошелек, но Лайам отмахнулся:

– Не надо. Мне хватит. Тебе и так сегодня здорово досталось. – Он подмигнул ей. – Звони, если надо будет подбросить. За счет заведения. Дэн разрешил.

– Но…

– Никаких «но». Топай домой, Джесс. Позаботься о своем пареньке. Увидимся в пабе.

Джесс едва не расплакалась от благодарности. Она стояла с поднятой рукой, пока Лайам выезжал с парковки, и потому услышала, как он крикнул из водительского окна:

– И все-таки скажи ему, что, если он постарается выглядеть попроще, его станут колотить пореже.

7. Джесс

Впредрассветные часы она задремала на пластмассовом стуле, время от времени просыпаясь из-за неудобной позы и звуков далеких трагедий в отделении за занавеской. Она смотрела на заштопанного спящего Никки и не понимала, как его защитить. Что творится у него в голове? Что будет дальше? У Джесс сосало под ложечкой. В последнее время у нее постоянно сосало под ложечкой. В семь за занавеску заглянула медсестра и предложила принести чай и тост. От этого незначительного проявления доброты Джесс едва не расплакалась от смущения. Консультант зашел вскоре после восьми и сказал, что врачи собираются оставить Никки еще на ночь, чтобы убедиться в отсутствии внутреннего кровотечения. На рентгеновском снимке непонятная тень, и лучше развеять сомнения. А Джесс пора домой, отдыхать. Позвонила Натали и сказала, что отвезла Танзи в школу со своими детьми – все в порядке.

Все в порядке.

Джесс вышла из автобуса за две остановки до своего дома, подошла к дому Лианны Фишер, постучала в дверь и как можно вежливее сообщила, что, если Джейсон еще раз подойдет к Никки, она обратится в полицию. Лианна Фишер плюнула в нее и заявила, что, если Джесс немедленно не отвалит, она разобьет кирпичом ее чертово окно. Когда Джесс направилась прочь, из дома Лианны донесся взрыв хохота.

Ничего другого она и не ожидала.

Она вошла в свой пустой дом. Заплатила за воду деньгами, отложенными на уплату муниципального налога. Заплатила за электричество деньгами, полученными за уборку. Приняла душ, переоделась и отработала дневную смену в пабе, настолько погрузившись в раздумья, что Стюарт Прингл лапал ее зад целых тридцать секунд, прежде чем она заметила. Она медленно вылила ему на ботинки полпинты лучшего биттера.

– Зачем ты это сделала? – возмутился Дес, когда Стюарт Прингл пожаловался.

– Если для тебя это в порядке вещей, встань за стойку и позволь ему лапать *твой* зад, – отрезала она и продолжила протирать бокалы.

– И то верно.

Она пропылесосила весь дом до возвращения Танзи. Так устала, что едва не падала, но от злости трудилась вдвое быстрее. Никак не могла угомониться. Убиралась, складывала и разбирала, потому что иначе сняла бы старую кувалду Марти с крючьев в затхлом гараже и устроила Фишерам веселую жизнь, окончательно испортив свою. Убиралась, потому что иначе вышла бы в заросший садик на заднем дворе, запрокинула голову, завопила во все горло и вряд ли смогла бы остановиться.

Когда на дорожке раздались шаги, дом наполняли ядовитые испарения мебельной политуры и кухонного чистящего средства. Джесс дважды глубоко вдохнула, кашлянула и заставила себя вдохнуть еще раз, прежде чем открыть дверь, растянув губы в ободряющей улыбке. На дорожке стояла Натали и обнимала Танзи за плечи. Танзи подошла к матери, обхватила ее за талию и крепко прижалась с закрытыми глазами.

– С Никки все в порядке, милая, – заверила Джесс, гладя дочь по волосам. – Ничего страшного. Все мальчишки дерутся.

Натали коснулась руки Джесс, покачала головой и ушла.

– Берегите себя, – сказала она на прощание.

Джесс намазала Танзи бутерброд, посмотрела, как дочь укрылась в тенистом углу садика в обществе собаки, чтобы заняться алгоритмами, и пообещала себе, что расскажет о Сент-Эннз завтра. Она совершенно точно расскажет ей завтра. А затем Джесс спряталась в туалете и развернула деньги, которые нашла в такси мистера Николса. Четыреста восемьдесят фунтов. Она разложила их аккуратными кучками на полу за запертой дверью.

Джесс знала, что следует сделать. Ну разумеется, знала. Это не ее деньги. Не об этом ли она толкует детям каждый день? «Воровать нельзя. Нельзя брать чужое. Поступайте правильно, и рано или поздно вам воздастся».

«Поступайте правильно».

Так почему она их не вернула?

В ее голове зудел незнакомый нехороший голосок. «С какой стати их возвращать? Он прекрасно без них обойдется. Он был в отключке на автомобильной парковке, в такси, в своем доме. Они могли выпасть где угодно. В конце концов, ты нашла их совершенно случайно. А если бы их поднял кто-то другой? Думаешь, вернул бы деньги? Серьезно?»

На пропуске было название компании – «Мэйфлай». И имя – Эд.

Она вернет деньги мистеру Николсу. Ее мысли кружились в такт сушилке для белья.

И все же она их не вернула.

Джесс не привыкла думать о деньгах. Финансами занимался Марти, и обычно денег хватало, чтобы он ходил в паб пару вечеров в неделю, а она время от времени выбиралась оттянуться с Натали. Иногда они ездили отдыхать. Год на год не приходился, но в целом на жизнь хватало.

А потом Марти надоело сводить концы с концами. Они отдыхали в Уэльсе на природе, дождь лил восемь дней подряд, и Марти досадовал все больше, как будто погода ополчилась лично против него. «Почему бы не поехать в Испанию или в какую-нибудь жаркую страну, – бормотал он, выглядывая за откидное полотнище промокшей палатки. – Вот дерьмо. Тоже мне отдых». Ему надоело крутить баранку. Он находил все больше и больше поводов для недовольства. Другие водители настроены против него. Диспетчер обманывает. Пассажиры скупятся. А потом начались прожекты. Финансовая пирамида, в которую они вступили на две недели позже, чем следовало. Поддельные футболки с изображением музыкальной группы, которая ворвалась в чарты и так же мгновенно из них пропала. «Импорт-экспорт – верное дело», – уверенно заявил он Джесс как-то вечером, вернувшись из паба. Он познакомился с парнем, который может достать дешевые электротовары из Индии, и они впарят их своим знакомым.

А потом – сюрприз, сюрприз – впаривать электротовары оказалось совсем не так легко. Лето в тот год выдалось на редкость дождливым. Немногочисленные покупатели жаловались, что у них перегорела проводка, а остальное просто заржавело, даже в гараже, так что жалкие сбережения превратились в гору бесполезного хлама, который пришлось грузить в машину Марти и отвозить на свалку по четырнадцать штук в неделю. Под лестницей до сих пор что-то валялось.

А потом появился «роллс-ройс». По крайней мере, Джесс видела в нем смысл: Марти выкрасит его в серый металлик и будет работать шофером на свадьбах и похоронах. Он купил машину на eBay у парня из центральных графств и заглох на полпути домой. Оказалось, неполадки со стартером. Но чем пристальнее они разглядывали «роллс», тем больше проблем находили. Первую зиму машина простояла на дорожке, в обивке завелись мыши, нужны были деньги на замену задних сидений – кому понравится в день свадьбы сидеть на креслах, скрепленных скотчем? А потом оказалось, что запасные мягкие сиденья для «роллс-ройса» – единственное, что нельзя купить на eBay. Так он и торчал в гараже вечным напоминанием о бесплодных попытках добиться успеха. А еще из-за него пришлось поставить холодильник в прихожей.

Джесс занялась финансами, когда Марти заболел и начал проводить бóльшую часть дня в постели. Депрессия – это болезнь, кого хочешь спроси. Впрочем, если верить приятелям Марти, он не слишком страдал, когда два раза в неделю из последних сил тащился в паб. Джесс вынула банковские выписки из конвертов, достала сберегательную книжку из стола в прихожей и своими глазами убедилась, что дела – хуже некуда. Она пару раз пыталась поговорить с

Марти, но он только укрывался с головой одеялом и твердил, что ничего не может поделать. Примерно тогда он заявил, что хочет ненадолго перебраться к матери. По правде говоря, его отъезд был Джесс на руку. Ей и без него хватало забот с Никки, молчаливым и больше похожим на привидение, с Танзи и двумя работами.

– Поезжай, – сказала она, гладя Марти по волосам. Помнится, она отметила, как давно не прикасалась к нему. – На пару недель. Немного отдохнешь, и тебе полегчает.

Он молча поднял на нее красные глаза и сжал ее руку.

С тех пор прошло два года. Никто из них всерьез не заговаривал о возвращении.

Джесс пыталась вести себя как обычно, пока Танзи не отправилась спать: спрашивала, чем кормили у Натали, рассказывала, что натворил Норман в ее отсутствие. Расчесала Танзи волосы, села на ее кровать и прочитала сказку, как маленькому ребенку. На этот раз Танзи не заявила, что предпочла бы заняться математикой.

Когда дочь наконец заснула, Джесс позвонила в больницу. Ей сказали, что у Никки все хорошо и после визита консультанта его наверняка выпишут. Рентген чистый, легкие не проколоты, а небольшая трещина лицевых костей заживет сама собой. Джесс позвонила Марти, который молча выслушал и спросил:

– Он по-прежнему красится?

– Да, подкрашивает глаза. – (Последовало долгое молчание.) – Не говори этого, Марти. Не смей этого говорить. – Она первой бросила трубку.

Без четверти десять позвонили из полиции и сказали, что Фишер все отрицает.

– Там было четырнадцать свидетелей! – Джесс еле сдерживалась, чтобы не закричать. – В том числе продавец рыбы с картошкой. На моего сына набросились. Вчетвером.

– Да, но от свидетелей есть прок, только если они могут опознать преступников, мадам. А мистер Брент говорит, что толком не разобрал, кто дрался. – Он вздохнул, как будто ему до смерти надоели подобные звонки, как будто Джесс взбеленилась из-за простой подростковой драки. – Видите ли, мадам, Фишеры утверждают, будто ссору затеял ваш сын.

– С тем же успехом ее мог затеять далай-лама. Да Никки одеяло не может засунуть в пододеяльник – вдруг это кому-то навредит!

– Мы можем опираться только на доказательства, мадам. – Его ровный тон означал, что все это он слышал много раз.

Фишеры, подумала Джесс, бросив трубку. С их репутацией ей повезет, если хоть кто-нибудь «вспомнит», что видел.

На мгновение Джесс уронила голову на руки. Фишеры никогда не оставят их в покое. И следующая на очереди – Танзи, когда перейдет в среднюю школу. Она будет прекрасной мишенью со своей математикой, странностями и наивностью. Джесс поежилась. Вспомнила о кувалде Марти в гараже. Представила, как отправится к Фишерам и… Зазвонил телефон. Она схватила трубку.

– Что еще? Хотите сказать, что он сам себя избил? Я угадала?

– Миссис Томас? – (Она заморгала.) – Миссис Томас? Это мистер Цвангараи.

– А! Мистер Цвангараи, извините. Просто… время неудачное… – Она вытянула перед собой руку. Рука дрожала.

– Простите, что звоню так поздно, но дело в некотором роде неотложное. Я обнаружил кое-что интересное. Это называется «олимпиада по математике», – старательно выговорил он.

– Что?

– Это новое мероприятие в Шотландии для одаренных учеников. Соревнование по математике. И еще не поздно заявить на него Танзи.

– Соревнование по математике? – Джесс закрыла глаза. – Знаете, это очень интересно, мистер Цвангараи, но у нас сейчас полно забот, и вряд ли мы…

– Миссис Томас, погодите минутку! Призы – пятьсот фунтов, тысяча фунтов и пять тысяч фунтов. Пять тысяч фунтов. Если Танзи победит, вам не придется искать деньги, по крайней мере на первый год обучения в Сент-Эннз.

– Повторите, пожалуйста.

Он повторил. Джесс села на стул, слушая подробные объяснения.

– Это взаправду?

– Взаправду.

– И вы думаете, она может победить?

– Есть категория специально для ее возраста. Она просто не может проиграть.

«Пять тысяч фунтов, – пропел голос в голове Джесс. – Хватит хотя бы на первый год».

– В чем подвох?

– Никакого подвоха. Разумеется, задачи будут повышенной сложности. Но разве это проблема для Танзи? – (Джесс встала, затем снова села.) – И конечно, вам придется съездить в Шотландию.

– Детали, мистер Цвангараи. Детали. – У нее кружилась голова. – Это все взаправду? Это не шутка?

– Я похож на шутника, миссис Томас?

– Твою мать! ТВОЮ МАТЬ! Мистер Цвангараи, вы просто красавчик.

Она услышала смущенный смех. Наверное, его смутило не то, что она выругалась, а то, что впервые в жизни женщина назвала его красавчиком.

– И… что надо делать?

– Ну, квалификационный тест отменили – я прислал несколько работ Танзи. Насколько я понимаю, организаторы очень хотят видеть детей из простых школ. И, между нами говоря, то, что она девочка, – огромное преимущество. Но решать надо быстро. До олимпиады всего пять дней.

Пять дней. Крайний срок регистрации в Сент-Эннз – завтра.

Джесс стояла посередине комнаты, размышляя. Затем бросилась наверх, достала деньги мистера Николса, спрятанные в колготках, не размышляя, сунула в конверт, написала записку и вывела адрес. Она вернет их. До последнего пенса.

Но сейчас у нее нет выбора.

Вечером Джесс села за кухонный стол, изучила цифры и составила черновой план. Она внесла минимальный платеж по кредитной карте, отправила письмо в газовую компанию, в котором оспаривала счет (это поможет выиграть не меньше месяца), и выписала чеки самым непреклонным кредиторам, например жилищно-строительной ассоциации. Посмотрела стоимость трех билетов на поезд до Эдинбурга, нервно засмеялась и посмотрела стоимость билетов на автобус (187 фунтов, включая 13 фунтов на дорогу до автобусного вокзала) и недельной передержки для Нормана (94 фунта). Прижала ладони к глазам и замерла. Когда дети заснули, Джесс откопала ключи от «роллс-ройса», вышла из дома, смахнула мышиный помет с водительского сиденья и попыталась включить зажигание.

С третьей попытки получилось. Джесс сидела в гараже, в котором всегда пахло сыростью, даже в летнюю жару, в окружении старой садовой мебели, автомобильных деталей, пластмассовых ведер, лопат и пустых коробок из-под кондиционеров, слушала гудение мотора и размышляла. Затем наклонилась вперед и отлепила выцветший акцизный диск[9]. Он был просрочен почти на два года. И у нее не было страховки. Она посмотрела на диск, выключила зажигание, а потом сидела в темноте, пока мотор с тиканьем остывал, а запах масла постепенно таял. «Поступай правильно», – в сотый раз подумала она.

[9] *Акцизный диск* – бумажный диск, на котором указана дата уплаты акцизного сбора за машину; клеится к лобовому стеклу.

8. Эд

Ed.Nicholls@mayfly.com: Не забудь, что я тебе говорил.
Могу напомнить подробности, если ты потеряла карточку.
Deanna1@yahoo.com: Не забуду. Это была незабываемая ночь;-)
Ed.Nicholls@mayfly.com: Ты сделала, что я тебе говорил?
Deanna1@yahoo.com: Сделала. Спасибо.
Ed.Nicholls@mayfly.com: Дай мне знать, если все получится!
Deanna1@yahoo.com: Я очень удивлюсь, если не получится, ведь у тебя все чудно получалось!;-0
Deanna1@yahoo.com: Еще никто не делал для меня ничего подобного.
Ed.Nicholls@mayfly.com: Да ладно. Ерунда.
Deanna1@yahoo.com: Может, встретимся на следующих выходных?
Ed.Nicholls@mayfly.com: Я немного занят. Напишу.
Deanna1@yahoo.com: По-моему, у нас обоих все вышло чудесно;-)

Детектив позволил ему дочитать два бумажных листа и пододвинул их Полу Уилксу.

– Что вы об этом скажете, мистер Николс?

Довольно неприятно видеть свою личную переписку выставленной напоказ в официальном документе. Когда он увидел свои первые пылкие письма, едва завуалированные намеки, смайлики (можно подумать, ему четырнадцать лет) под мертвенным светом комнаты для собеседований, что-то внутри него сжалось.

– Вы не обязаны ничего говорить, – предупредил Пол.

– Мы могли беседовать о чем угодно. – Эд отодвинул документы. – «Дай мне знать, если все получится!» Я мог попросить ее сделать что-нибудь эротическое. Это мог быть секс по переписке, например.

– В одиннадцать часов четырнадцать минут утра?

– Ну и что?

– В офисе с открытой планировкой?

– Я парень без комплексов.

Детектив снял очки и сурово посмотрел на него:

– Секс по переписке? Серьезно? Вот вы чем здесь занимаетесь?

– Вообще-то, нет. В данном случае нет. Но дело не в этом.

– Я бы сказал, что дело именно в этом, мистер Николс. Есть распечатки ваших разговоров. Есть бумажные подтверждения двух встреч. Вы говорите, что будете на связи… – он пролистал бумаги, – «на случай, если смогу еще чем-нибудь помочь».

– Но все было совсем не так. У нее была депрессия. Она переживала из-за расставания с бывшим. Я только хотел… немного облегчить ее жизнь. Я сто раз вам говорил.

– Эд… – с нажимом произнес Пол.

– Еще пара вопросов.

Итак, ему задавали вопросы. Как часто он встречался с Диной? Куда они ходили? В каких отношениях состояли? Когда Эд сказал, что знает о жизни Дины очень мало, ему не поверили. Как и тому, что он ничего не знает о ее брате.

– Да ладно! – запротестовал он. – Вы никогда не встречались с девушками только ради секса?

– Мисс Льюис утверждает, что вы встречались не только ради секса. Она утверждает, что между вами были «близкие и тесные» отношения, что вы знакомы с колледжа и что вы принудили ее совершить эту сделку, давили на нее. Она утверждает, будто понятия не имела, что нарушает закон, следуя вашему совету.

– Но она… В ее устах наши отношения кажутся чем-то большим, чем на самом деле. И я ни к чему ее не принуждал.

– То есть вы признаете, что сообщили ей конфиденциальные сведения?

– Я этого не говорил! Я только хочу сказать…

– Полагаю, мой клиент хочет сказать, что не может нести ответственность за превратное представление мисс Льюис об их отношениях, – перебил Пол Уилкс. – Или за те сведения, которые она могла сообщить своему брату.

– И у нас не было никаких отношений. То есть настоящих отношений.

Детектив пожал плечами:

– Знаете что? Мне плевать, какие отношения у вас были. Плевать, если вы долбили ее во все отверстия. Мне важно, мистер Николс, что вас официально обвиняют в разглашении этой молодой особе сведений, которые, как она похвасталась подруге двадцать восьмого февраля, «принесут нам немалую выгоду». И которые, судя по ее банковскому счету и банковскому счету фонда ее брата, действительно принесли им «немалую выгоду».

Через час, выпущенный под залог на две недели, Эд расположился в офисе Пола Уилкса. Пол налил обоим виски, и они сидели в тишине, потягивая напиток. Эд начинал привыкать к вкусу крепкого алкоголя среди белого дня.

– Я не могу нести ответственность за то, что она сказала своему брату. Не могу же я узнавать у каждой потенциальной подружки, нет ли у нее брата, работающего в финансах. В смысле, никто этого не делает. Меня наверняка поймут.

Пол откинулся на спинку кресла и вздохнул, как человек, привыкший объяснять очевидное:

– Конец цепочки тянется к тебе. Они с братом противозаконно заработали кучу денег с помощью сведений, которые ты ей сообщил.

– Я пытался помочь ей.

– И тебе это прекрасно удалось. Но Совету по ценным бумагам и фьючерсам и Агентству по борьбе с организованной преступностью плевать на твои мотивы, Эд.

– Может, хватит сокращений? Я понятия не имею, о ком ты говоришь.

– Что ж, попробуй вообразить все серьезные органы по борьбе с преступностью, которые имеют отношение к финансам. Или к преступлениям. Вот кто расследует твое дело.

– Можно подумать, мне предъявят обвинение. – Эд поставил виски на стол.

– Да, я считаю это весьма вероятным. И полагаю, суд не за горами. Рассмотрение подобных дел стараются ускорить.

Эд уставился на него. А затем обхватил голову руками:

– Это какой-то кошмар. Я просто… Я просто хотел, чтобы она ушла, Пол. Я хотел, чтобы это закончилось.

– Что ж, остается надеяться, что мы сможем убедить судей, будто ты бестолковый ботаник, который не понимал, что творит.

– Превосходно.

– Есть идеи получше? – (Эд покачал головой.) – Тогда не высовывайся.

– Я не могу сидеть без дела, Пол. Мне нужно вернуться к работе. Я не знаю, чем заняться, кроме работы. Я схожу с ума в этом Захолустингсе.

– Как я уже сказал, обвинение не станет затягивать дело. Но на твоем месте я бы затаился. Если Совет по ценным бумагам и фьючерсам допустит утечку, тогда уже точно запахнет

жареным. Я составил заявление. Мол, ты ни в чем не виноват и мы совершенно уверены, что твое имя будет обелено, как только дело поступит в суд. Но едва правда выплывет на свет, как журналисты окружат тебя, щелкая зубами. Самое лучшее – лечь на дно в твоем Захолустингсе еще на неделю или около того.

Пол нацарапал записку в отрывном блокноте. Эд разглядывал перевернутые буквы:

– По-твоему, это попадет в газеты?

– Не знаю. Возможно. В любом случае тебе стоит предупредить родных, что на них могут накинуться журналисты.

Эд положил руки на колени:

– Не могу.

– Чего ты не можешь?

– Рассказать отцу правду. Он болен. Это его… – Он покачал головой.

Когда он наконец поднял глаза, Пол пристально разглядывал его:

– Что ж, решать тебе. Но, как я уже сказал, я бы на твоем месте скрылся, пока шумиха не уляжется. «Мэйфлай» явно не хочет, чтобы ты сейчас болтался рядом с офисами. Слишком много денег поставлено на выпуск нового продукта. Так что тебе надо держаться подальше от всех, кто связан с компанией. Никаких звонков. Никаких электронных писем. И если журналисты тебя все же разыщут, бога ради, ничего не говори. Никому. – Он постучал ручкой в знак окончания разговора.

– Итак, мне надо спрятаться в жуткой дыре, держаться тише воды ниже травы и плевать в потолок, пока меня не посадят в тюрьму.

Адвокат встал и закрыл папку на столе:

– Этим делом займутся наши лучшие люди. Мы сделаем все возможное, чтобы до тюрьмы не дошло.

Эд поднялся и направился к выходу, медленно переваривая тот факт, что адвокат не стал его утешать. Пол открыл ему дверь:

– И знаешь что, Эд? В следующий раз просто скажи подружке, что вам лучше остаться друзьями. Намного меньше хлопот.

Эд, моргая, стоял на ступеньках офиса Пола. Вокруг него текли оживленные будни: прибывшие курьеры стягивали шлемы с вспотевших голов, голоногие секретарши с хохотом шли в парк, чтобы перекусить сэндвичами. И внезапно он ощутил укол тоски по прежней жизни – с офисной кофеваркой «Неспрессо», секретаршей, которую можно послать за суши, и квартирой с панорамным видом на город. В той жизни он в худшем случае проводил дни, лежа на диване в офисе и слушая, как Костюмы нудят о прибылях и убытках. Он никогда всерьез не сравнивал свою жизнь с чужой, но неожиданно мучительно позавидовал людям вокруг с их повседневными заботами и возможностью вернуться на метро домой, к своим семьям. Им доступны простые удовольствия: пообедать с друзьями, в обнимку развалиться перед телевизором. А он что? Неделями торчит в пустом доме и ждет неминуемого обвинения. Даже поговорить не с кем.

Он вспомнил, как на прошлой неделе проснулся на диване в «Бичфранте». Во рту пересохло, словно ватой набили, очки аккуратно лежали на журнальном столике. В третий раз за три недели он так напился, что не помнил, как добрался домой, и впервые очнулся с пустыми карманами.

Вообще-то, он не был пьяницей. Лара вечно твердила, что от алкоголя растет живот, и жаловалась, что Эд храпит, если он выпивал больше двух порций. Ему нестерпимо хотелось выпить прямо сейчас.

Дело в том, что он скучал по работе больше, чем когда-либо скучал по жене. Он скучал по работе, как по постоянной любовнице, ему не хватало рутины. Уже почти пять лет его день подчинялся самому размеренному расписанию в мире:

7.00 – подъем, чашка кофе.

7.30 – персональная тренировка, душ, дорога на работу, второй кофе с Ронаном.

9.00 – работа.

20.30 – конец рабочего дня; можно пропустить стаканчик с Ронаном, вернуться домой и, возможно, еще немного поработать.

Это было правильно. Надежно. Приятно. А теперь каждое утро Эду Николсу приходилось искать повод одеться. Приходилось убеждать себя, что жизнь не кончена. Соберись, Николс. Он глубоко вдохнул. Думай логически. Любую проблему можно решить. Всегда есть обходной путь.

Он проверил свой телефон – новый, всего три импортированных контакта. Два голосовых сообщения от Джеммы. Больше никто не звонил. Эд вздохнул, нажал «Удалить» и направился по выжженной солнцем мостовой к автомобильной парковке.

Эд немного посидел в пустой квартире, сходил в пиццерию, еще посидел и, поскольку причин оставаться в городе не было, забрался в машину и поехал на побережье. Дина Льюис танцевала перед ним всю дорогу, вертелась на забрызганном дождем стекле, словно дервиш, торгующий уцененными товарами. Эд представил ее большие карие глаза, полузакрытые от удовольствия, весело сощуренные от очередной его шутки. Представил, как она смотрит ему прямо в лицо, словно приглашая заглянуть в душу. Его мысли метались, словно серебристые рыбки. Как он мог быть таким идиотом? Почему не сообразил, что она может рассказать кому-то еще? Или здесь кроется нечто более зловещее? Возможно, они с братом все спланировали? Возможно, это месть психопатки за то, что он ее бросил?

Он ехал, и у него голова гудела от вопросов. По коже бежали мурашки от ярости, и с каждой милей все сильнее. С тем же успехом он мог дать Дине ключи от квартиры, доступ к счету в банке, как бывшей жене, и позволить себя обчистить. Это было бы даже лучше. По крайней мере, он не потерял бы работу и друга. Незадолго до съезда на Годалминг Эд в ярости остановился на обочине и набрал номер мобильного Дины. Ему пришлось его вспоминать, поскольку власти забрали старый телефон вместе со всеми контактами под предлогом поиска улик. Ему хотелось завопить: «О чем ты вообще думала? Как ты могла так поступить? Что я тебе сделал? За что ты разрушила мою жизнь и оставила меня на обломках?»

Но телефон молчал.

Эд сидел на придорожной площадке с телефоном в руке и понемногу успокаивался. Он помедлил и набрал номер Ронана. Это был один из немногих номеров, которые он знал наизусть.

Через несколько гудков Ронан взял трубку.

– Ронан…

– Эд, мне запретили с тобой говорить, – устало произнес он.

– Ага. Знаю. Просто я… Я просто хочу сказать…

– Что? Что ты хочешь сказать? – (Эд онемел от ярости в голосе друга.) – Знаешь что? Плевать я хотел на инсайдерскую торговлю. Хотя для компании это настоящая катастрофа. Но ты был моим приятелем. Моим старым другом. Я *никогда* бы так с тобой не поступил.

Щелчок, и разговор оборвался.

Эд уронил голову на руль. Пару минут подождал, пока гудение в голове утихнет, включил поворотник, медленно тронулся с места и покатил к «Бичфранту».

Телефон зазвонил, когда он съезжал с шоссе с разделительной полосой. Эд посмотрел на мерцающий экран, вздохнул и нажал кнопку на гарнитуре.

– Чего ты хочешь, Лара. – Это был не вопрос.

– Привет, малыш. Как ты?

– Э-э-э… Не очень.

– О нет! Что случилось?

Он толком не знал, может, все итальянки такие, но его бывшая жена умела утешать. Она гладила Эда по голове, пропускала его волосы сквозь пальцы, суетилась, по-матерински квохтала. В конце концов это стало раздражать, но сейчас, на пустой дороге, глухой ночью, он испытывал скорее ностальгию.

– Это… из-за работы.

– А! Из-за *работты,* – инстинктивно ощетинилась она.

Наверное, думала, что Эд грустит из-за разлуки с ней.

Он знал, что жениться на Ларе – плохая идея. Вы, наверное, не раз слышали: «Уже когда мы стояли у алтаря, я нутром чуял, не стоит этого делать»? И думаете: «Идиот! Так какого черта ты женился?» Это как раз про него. Именно так он и поступил. Они поженились, потому что Лара страстно хотела замуж, и Эд думал, будто это сделает ее счастливой. Недели через две стало ясно: брак вовсе не сделает ее счастливой. По крайней мере, брак с ним.

– Все нормально, Лара. Как ты?

– *Мамма* сводит меня с ума. И с крышей в квартире проблемы.

– Как работа?

Она причмокнула губами:

– Мне перезвонили из Вест-Энд-шоу и сказали, что я выгляжу слишком старой. Слишком старой!

– Ты не выглядишь слишком старой.

– Знаю! Я могу выглядеть на шестнадцать! Малыш, нам надо поговорить насчет крыши в квартире.

– Лара, это твоя квартира. Мы заключили соглашение.

– Но мне сказали, что это стоит кучу денег. Кучу денег. А у меня *ничего* нет.

– А как же соглашение? – Эд старался говорить спокойно.

– У меня ничего нет. Пришлось вложиться в бизнес брата, и к тому же папа нездоров. А еще мои кредитные карты…

– Неужели ничего не осталось?

– На крышу не хватит. Мне сказали, зимой она протечет. *Эдуардо*…

– Что ж, продай портрет, который забрала из моей квартиры в декабре.

Адвокат настаивал, что он сам виноват, раз не поменял дверные замки. Очевидно, все меняли.

– Мне было грустно, Эдуардо. Я скучала по тебе. Мне просто хотелось что-нибудь на память.

– Конечно. На память о человеке, которого ты не можешь больше видеть.

– Я сказала это в сердцах.

Она говорила «в сэрдцах». В конце их брака она постоянно была *в сэрдцах.* Эд потер глаза и включил поворотник, собираясь съехать на прибрежную дорогу.

– Мне просто хотелось что-нибудь на память о том времени, когда мы *любилли* друг друга.

– Знаешь, когда ты в следующий раз соскучишься по мне, забери, к примеру, нашу фотографию в рамке, а не лимитированное издание плаката с Мао Цзедуном за четырнадцать тысяч фунтов.

Ее голос опустился до шепота, заполнил темные уголки машины, почти невыносимо интимный.

– Неужели тебе все равно, что мне больше не к кому обратиться? – печально мурлыкнула Лара.

У Эда рефлекторно поджались яйца. И она это знала.

Эд взглянул в зеркало заднего вида.

– Почему бы тебе не обратиться к Джиму Леонардсу?

– Что?

– Его жена мне звонила. Забавно, но она не в восторге.

– Это было всего один раз! Мы всего один раз появились на людях. И кому какое дело, с кем я встречаюсь!

Эд слышал, как она рычит от ярости. Он представил, как Лара вскидывает ручку с растопыренными ухоженными пальчиками, досадуя, что приходится уламывать «самого противного мужчину на свете».

– Ты меня бросил! Мне записаться в монахини?

– Это ты меня бросила, Лара. Двадцать седьмого мая на обратном пути из Парижа. Помнишь?

– Детали! Вечно ты извращаешь мои слова своими дурацкими деталями! Именно поэтому мне пришлось уйти от тебя!

– А я думал, потому что я люблю только собственную работу и не понимаю человеческих чувств.

– Я бросила тебя, потому что у тебя крошечный член. Крошечный, КРОШЕЧНЫЙ член! Как конфетка!

– Может, как креветка?

– КРЕВЕТКА. ЛАНГУСТ. Смотря что меньше. Крошечный!

– Тогда, полагаю, козявка. А ведь я простил тебе кражу ценного лимитированного издания плаката! Могла бы польстить мне «омаром». Впрочем, тебе виднее.

Лара выругалась по-итальянски и с грохотом бросила трубку. Эд проехал несколько миль, которые после начисто стерлись из его памяти. Затем вздохнул, включил радио и сосредоточился на черной дороге впереди, которая казалась бесконечной.

Джемма позвонила, когда он сворачивал на прибрежную дорогу. Ее имя высветилось на гарнитуре, и Эд, не подумав, ответил. Похоже, его телефон звонит, только чтобы кто-нибудь на него наорал.

– Можешь не говорить. Ты очень занят.

– Я за рулем.

– И у тебя есть гарнитура. Мама спрашивает, приедешь ли ты на праздничный обед.

– Какой еще праздничный обед?

– Ну хватит, Эд. Я тебе говорила несколько месяцев назад.

– Извини. У меня нет под рукой ежедневника.

Он услышал, как она глубоко вдохнула.

– Папу должны выписать в следующий вторник. И мама готовит для него специальный домашний обед. Она хочет, чтобы мы присутствовали. Ты сказал, что сможешь приехать.

– А! Да.

– Что «да»? Да, ты помнишь? Или да, ты приедешь?

Он побарабанил пальцами по рулю:

– Не знаю.

– Слушай, папа вчера спрашивал о тебе. Я сказала, что ты замотался с одним проектом на работе. Папа такой хрупкий, Эд. Это на самом деле очень важно для него. Для них обоих.

– Джемма, я же тебе говорил…

Ее голос взорвался внутри машины.

– Да, я знаю, ты слишком занят. Ты говорил мне, что у тебя куча дел. Говорил, что забот полон рот.

– У меня действительно полно дел! Ты понятия не имеешь!

– Ну конечно, где уж мне понять! Я всего лишь глупый социальный работник, который получает гроши. Это наш папа, Эд. Человек, который пожертвовал всем, чтобы оплатить твое чертово образование! Для него ты свет в окошке. И долго отец не протянет. Тебе надо приехать и сказать ему все, что сыновья должны говорить своим умирающим отцам, ясно?

– Он не умирает.

– Откуда тебе знать? Ты два месяца к нему не приезжал!

– Слушай, я приеду. Просто мне надо…

– Почему ты вечно отмазываешься?

– Я не отмазываюсь, Джемм…

– Черта с два! Ты бизнесмен. Все зависит только от тебя. Так что ты уж постарайся. Или я, честное слово…

– Связь пропадает, Джемм. Извини, здесь очень плохой прием. Я… – Эд зашипел, изображая помехи, и нажал кнопку. Телефон заткнулся, но не раньше, чем раздался приглушенный вопль: «Говнюк!»

Эд включил радио. Попалась какая-то нудная передача о надоях молока. Он сменил канал, но музыка была грубой и визгливой и неприятно напоминала его сестру. Он попробовал станцию с классической музыкой (слишком заунывно) и местную коммерческую станцию (невыносимый диджей), прежде чем сдаться и снова выключить радио.

Зазвонил телефон. Он посмотрел на номер и не стал брать трубку. Телефон зазвонил снова. Он продолжал его игнорировать. На третий раз он вздохнул и нажал кнопку.

– Один обед, – сказала Джемма своим «рабочим» голосом, спокойным и примирительным. – Один маленький обед, Эд. Все, о чем я прошу.

Он заметил впереди полицейскую машину и взглянул на спидометр, отчасти опасаясь увидеть смятый клубок металла. Грязный «роллс-ройс» с потухшей фарой наполовину съехал на обочину под оранжевым светом натриевого фонаря. Рядом с ним стояла девочка с огромным псом на поводке. Ее голова медленно повернулась, когда Эд проезжал мимо.

– Я понимаю, что у тебя множество обязательств и твоя работа очень важна. Мы все это понимаем, мистер Большая Компьютерная Шишка. Но всего один нудный семейный обед с больным отцом и сестрой, которая ужасно много трудится на благо человечества и ужасно мало получает! Неужели я так много прошу?

– Погоди, Джемм. Тут авария.

Рядом с девочкой стоял лохматый тощий подросток, засунув руки в карманы и сгорбив плечи. Мальчик? Девочка? Полицейский что-то писал. На мгновение от него отвернулся еще один ребенок… Нет, маленькая женщина с растрепанным хвостиком. Она раздраженно вскинула руки, совсем как Лара. «Ты такой противный!»

Эд проехал еще сотню ярдов и вздрогнул. Он где-то видел эту женщину. Он старательно размышлял: в баре? В загородном комплексе? Внезапно в памяти всплыло, как она забирает у него ключи от машины, снимает с него дома очки. Как она оказалась здесь с детьми глухой ночью? Эд остановился и посмотрел в зеркало заднего вида. Компания смутно маячила вдали. Девочка сидела на темной обочине, пес возвышался рядом черной глыбой.

– Эд? С тобой все в порядке? – Голос Джеммы взорвал тишину.

После он толком не понимал, почему так поступил. Возможно, пытался отсрочить возвращение в пустой дом, где придется до рассвета сидеть и таращиться в телевизор. Возможно, его зацепила странность того, что он вполне мог стать частью подобной сцены, ведь жизнь без-

надежно сошла с рельсов. Возможно, ему просто хотелось убедить себя, несмотря на множество свидетельств обратного, что он не полный говнюк.

– Джемм, я перезвоню. Это знакомые.

Он остановился, развернулся в три приема и медленно поехал обратно по тускло освещенной дороге, пока не оказался у полицейской машины и не встал на противоположной стороне.

– Привет, – сказал Эд, опуская окно. – Могу я чем-нибудь помочь?

9. Танзи

Никки выписали без четверти пять. Танзи передала ему приставку «Нинтендо», которую захватила из дома, и молча наблюдала, как он нажимает на клавиши ободранными пальцами. Ее радостное настроение слегка испортилось при виде распухшего лица Никки. Он был сам на себя не похож, и Танзи приходилось старательно смотреть ему в глаза, потому что иначе она переводила взгляд на что-нибудь другое, например на дурацкую картину со скачущими лошадьми на противоположной стене. Они даже не были похожи на лошадей. Ей хотелось рассказать Никки о регистрации в Сент-Эннз, но все мысли Танзи были о пропитанной больничным запахом комнатке и заплывшем глазе брата.

Во время ходьбы он постанывал с закрытым ртом, как будто не хотел выдавать, насколько ему больно. Танзи невольно подумала: «Это сделали Фишеры, это сделали Фишеры» – и немного испугалась, потому что не могла представить, чтобы кто-нибудь из знакомых сделал подобное без причины. Маме пришлось привычно пререкаться с врачами: нет, она не родная его мать, но ничуть не хуже родной. И нет, к нему не приставлен социальный работник. Танзи всегда становилось немного не по себе от таких разговоров, словно Никки не был настоящим членом их семьи, хотя на самом деле был.

Когда Никки собрался выйти в коридор, Танзи ласково взяла его за руку. Обычно он говорил «Брысь, рыбешка» или еще какую-нибудь глупость, но на этот раз лишь сжал ее пальцы и едва заметно улыбнулся распухшими губами, как будто в виде исключения разрешил держать его за руку, по крайней мере, пока не сказал: «Танзи, дружище, извини, но мне надо в уборную».

Лицо мамы было белым как мел, и она непрерывно кусала губы, точно хотела что-то сказать. Никки ни разу на нее не посмотрел.

А потом, когда в палату заявилась куча врачей, мама велела Танзи подождать снаружи, и она ходила взад и вперед по длинным стерильным коридорам, читая задания и решая задачи по алгебре. Числа всегда поднимали ей настроение. Если правильно с ними обращаться, они всегда делают то, что положено, как будто в мире существует волшебный порядок и надо только подобрать нужный ключ. Когда Танзи вернулась, Никки уже оделся. Он вышел из комнаты очень медленно, не забыв поблагодарить медсестру.

– Какой милый мальчик, – сказала медсестра. – Вежливый.

Мама собирала вещи Никки.

– Это самое ужасное, – отозвалась она. – Он просто хочет, чтобы его оставили в покое.

– Ничего не выйдет, пока рядом ошиваются такие типы. – Медсестра улыбнулась Танзи. – Береги брата.

Танзи шла за братом к главному выходу и пыталась понять, что именно неладно с их семьей, если в последнее время каждый разговор заканчивается пристальным взглядом и советом беречься.

Мама приготовила ужин и дала Никки три разноцветные таблетки. Танзи с Никки сидели на диване и смотрели телевизор. Показывали шоу «Жестокие игры», над которым Никки обычно хохотал до упаду, но после возвращения домой он помалкивал, и вряд ли потому, что у него болела челюсть. Он и выглядел как-то непривычно. Танзи вспомнила, как парни набросились на него и незнакомая женщина затащила ее в ларек, чтобы она ничего не видела. Она попыталась отогнать воспоминание, потому что при звуках ударов у нее по-прежнему сводило живот, хотя мама пообещала, что такого больше не случится, она не позволит, и Танзи не должна об этом думать, ладно?

Мама хлопотала наверху. Танзи слышала, как она вытаскивает ящики комодов и расхаживает по лестничной площадке. Мама так замоталась, что даже не заметила, что детям давно пора спать.

Танзи осторожно ткнула Никки пальцем:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.